

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ

Тайна
моего
отражения

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Тайна моего отражения

**Серия «Частный детектив
Алексей Кисанов», книга 1**

Текст автора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121139

Аннотация

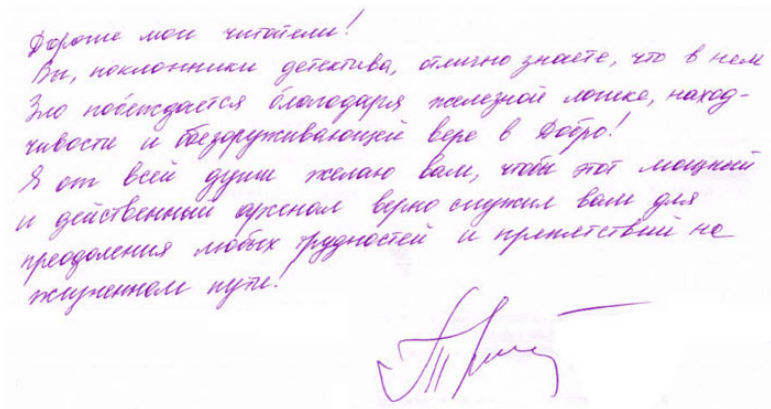
Игорь сделал все, чтобы превратить жизнь Ольги Самариной в рай. Но этот рай рушится в тот день, когда Ольга, будучи в Париже, сталкивается на одной из улиц с собственным двойником. Сходство до того разительно, что она, как замороженная, отправляется на его поиски. И, как только жизненные пути Оли и американки Шерил пересекаются, – девушки попадают на прицел неведомого убийцы, готового уничтожить их всеми способами... Ольга остается одна: Шерил в коме, заботливый Игорь непонятным образом исчез, – и за ней охотится убийца. Рядом с ней есть только Джонатан, загадочный англичанин, сокурник по Сорбонне, – кажется, он влюблен в русскую девушку и хочет ей помочь, но... Не он ли пытался убить Олю? Париж сменяется Лондоном, Москва – Нью-Йорком, Ольга ищет разгадку по всему свету, наталкиваясь только на трупы тех, кто мог бы ей рассказать правду...

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Глава II	28
Глава III	39
Глава IV	103
Глава V	140
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Татьяна Гармаш-Роффе

Тайна моего отражения

Автор благодарит за консультации комиссара-
дивизионера парижской полиции Виктора Вагнера

90-м годам нашей Истории посвящается

Я.

Я я я я я я яяяяяя...

Не думайте, я не сошла с ума. Просто к своему Я привы-
каю.

Я родилась, Я влюбилась, Я умерла...

Я пишу роман.

Хоть это и очень странно. Вот уж не думала записаться в писатели.

Это Вячеслав Сергеевич из ФСБ (вы о нем еще ничего не знаете) настоял: «У вас сюжетик в руках – чистое золото! Пишите роман, девушка, я вас порекомендую в издательствах, у меня есть связи...»

Ну и порекомендовал.

А в издательстве порекомендовали писать роман от первого лица. От моего, то есть личного лица. Весьма хорошенького, между прочим.

Я долго не понимала: это как же? *Я, я, я* – так, что ли? Но ведь одно дело написать: «Жила-была девочка, белобрысая и худая, и звали ее Олей». И совсем другое дело: «Жила-была я, белобрысая и худая, и зовут меня Оля». Ерунда, согласитесь, получается...

А мысли?! В романе же они нужны? Но у меня такие мысли бывают, что мне самой плохо делается от их глупости!

Да и как описывать события, которые без тебя происходили? Его, этого «я», там не было, как же оно может описывать то, чего не видело?

Но – умные люди объяснили, убедили, все сомнения развеяли.

Ну я и написала...

Часть I

Москва—Париж

Глава I

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

(Почти как у Толстого, но очень коротко)

Жила-была я, белобрысая и худая, и звали меня Олей.

Впрочем, меня и сейчас зовут Олей, и я до сих пор жива, хоть это странно, после всего того, что со мною приключилось. За это время я несколько раз чуть концы не отдала.

Нет, неправильно, в романах пишут так: чуть не лишилась жизни.

Итак, я худая и высокая. В детстве я жутко комплексовала перед женскими портретами в Третьяковке, глядя на тонкие, нежно светящиеся лица и округлые покатые плечи, выступающие из великолепных кружев... Потому что у меня торчат косточки в плечах, а локти и коленки такие острые, что об них можно уколоться. Моя мама, полненькая хлопотунья (в кого это я уродилась такая шкетка!), с сожалением

в голосе говорила: «Худышка ты моя, личико-то у тебя еще ничего, а вот тельце – как у муравья!» Бабушка моя, еще более кругленькая хохлушка, к которой я ездила в деревню под Полтавой, каждое лето горестно качала головой и называла меня «худорба», стараясь за короткое время каникул впихнуть в меня побольше сметаны и вареников. Папа мой не говорил ничего: они развелись с мамой еще в пору моего нежного детства, и поскольку он был человеком сильно пьющим, то не интересовался ничем, кроме водки.

Но мне повезло: подоспела мода на худых, и ближе к концу школы я стала самой модной девочкой не только в классе, но и в школе.

Конечно, не только потому, что я была худая. Я была еще высокая. И льняные – некрашенные, заметьте! – волосы спадали по моим худым плечам пышной гривой. Да и глаза у меня ничего... Голубые. Ресницы-то белые, брови тоже, и до старших классов я была бесцветная, как моль. Но потом освоила технику макияжа и...

Свежевылупившаяся грудь уже круглилась под моей белой кружевной кофточкой, которую я нахально выдавала за «пионерскую». А короткая юбка открывала почти всю длину моих стройных и слегка голубых ног – кожа у меня белая и тонкая, и вены через нее просвечивают, как через капрон. Но летом под загаром не заметно, а зимой под чулками не видно. Кажется, это был последний год пионерских форм и пионерии вообще.

Что же касается моего характера, то он, как говорится, закалился в боях. А бои были, мои личные бои, да какие! А все дело в том, что мама сумела меня пристроить в английскую спецшколу. Уж не знаю, в чьи задницы маме пришлось делать уколы (она у меня медсестра), чтобы меня в эту школу взяли... Но взяли. И я оказалась в революционной ситуации: я была пролетаркой, бледной и худой, одна против буржуазии. Тогда их так не называли, но это была буржуазия: детки завмаг и завсклад, как говорил Аркадий Райкин (вернее, как за ним повторяла моя мама, самого актера я помню довольно смутно). Они переняли у своих родителей высокомерные замашки и фальшивые вежливые лица, они знали, как жить и как себя держать, какой надо вилкой-ложкой-ножкой; они судили, по-старушечьи поджав губы: это вульгарно, это неприлично, и косились трусливыми глазами на меня.

Трусливыми, потому что знали, что я могу и треснуть. Я была проста, как Ленин, который был прост, как правда.

Но постепенно я научилась не обращать на них внимания, я научилась внутренне защищаться, научилась не изменять себе и не терять достоинства в любых ситуациях. Уж как это было трудно, всему этому научиться, – рассказывать не стану, а то я так до своей истории «чистого золота» не дойду. Скажу вам только, что мне это удалось, потому что, как в мультяшке, «птица Говорун отличается умом и сообразительностью», где под птицей Говорун я подразумеваю себя

лично.

Одним словом, маленький гадкий и очень закомплексованный утенок превратился потихоньку в лебедя.

Со мной стали не просто считаться – передо мной стали заискивать те самые девицы, которые раньше обливали меня презрением за мои худые коленки, белые ресницы, бедные одежды и неумение (и нежелание) подлизываться и интриговать. Меня вдруг начали осыпать комплиментами – и какая-де я красивая, и какая-де прямая, и положиться на меня можно, и дружить со мной очень хочется...

Да только поздно. Теперь мне не хочется.

С парнями я тоже не дружила – сами понимаете, какая дружба может быть, если ты являешься предметом восхищения и влюбленности почти всех пацанов от младших до старших классов! И, признаться, без малейшей взаимности с моей стороны.

Мужчины вообще ко мне липли. В школе, во дворе, на улице, в транспорте. Передо мной тормозили машины, распахивались двери, и оттуда высовывались самодовольные морды «новых русских» – так их прозвали уж не знаю отчего. Кто каким был, тот таким и остался, ничего нового. Только деньги в карманах завелись – вся и разница. Я, глядя на них, клялась, что никогда ничего общего со мной эти мужики иметь не будут!

И напрасно.

То есть не совсем, но... Впрочем, сейчас вы все поймете,

потому что я вам все расскажу.

Дело было зимой. Я тогда училась в последнем классе, в одиннадцатом. Народ собирался на тусовку на старый Новый год, 1991 год, у одного из наших парней – сына богатеньких родителей. Родителей, разумеется, дома не было: они сами ушли куда-то праздновать, а нам свою квартиру предоставили.

Все было чудесно, мы ели, пили, танцевали, смеялись и целовались с парнями. Мне ужасно нравилось, что за мной ухаживают, что в меня влюблены, но мне никто из них не был интересен. Я не торопилась расставаться ни со своей невинностью, ни со своей свободой, а для утешения моего девического самолюбия у меня и так было все, что нужно. Единственно, чего у меня не было, – это хорошей шубы – я дошивала еще с восьмого класса старую цигейковую шубенку, маловатую и потертую, – и карманных денег. А красивые шмотки, представьте себе, были – мне мама шила, да как! Фирменно.

Из-за денег и из-за шубы я комплексовала немного, но совсем чуть-чуть, самую малость.

В тот вечер я напилась. Нечаянно. Не заметила, как это получилось. Пила что-то сладкое, вроде лимонада, и вдруг у меня стала кружиться голова и меня начало пренеприятнейшим образом подташнивать. В темной комнате мотались

вспышки цветомузыки, я почти висела на шее у Вадика, хозяйина квартиры, танцуя с ним медленный танец, и он все больше прижимался ко мне, целуя меня куда-то за ухо, и я не противилась этому, потому что была самым искренним образом озабочена. Только моя озабоченность не имела ничего общего с сексуальной: чувствуя, что мне становится все хуже и хуже, я боялась сделать лишнее движение и пыталась сообразить, что можно предпринять в подобной ситуации. И потому я не сразу поняла, что в комнате произошло какое-то замешательство. Потом до меня дошло, что все как-то притихли и музыку приглушили.

Я оглянулась. В дверях комнаты, в проеме яркого с непривычки света, падавшего из прихожей, стоял мужчина лет под тридцать в дубленке нараспашку. И смотрел прямо на нас, на Вадика и на меня.

– Дядя, – оторвав свою щеку от меня, сказал Вадик пьяно, – что ты здесь делаешь?

«Дядя» гаркнул весело: «Здравствуйте, детишки», и направился к нам, протянул мне руку:

– Игорь. Дядя Вадика.

– Ольга, – сказала я кокетливо и вдруг поняла, что, хотя я уже не танцую, а стою на месте, комната продолжает кружиться у меня перед глазами. И еще я поняла, что меня уже не подташнивает, а тошнит. – Пора расходиться, – сказала я сдавленно. – До свидания, мальчики, до свидания, девочки, до свидания, дядя!

И я кинулась почти бегом к дверям квартиры: не хватало еще только, чтобы меня вытошнило прямо на глазах у этого дяди!

Я ринулась вниз по лестнице, из подъезда, в снег. За моей спиной неслись крики Вадима: «Постой! Ничего не кончилось! Ты не поняла! Дядя просто так зашел!» Это он, к счастью, ничего не понял, Вадим. Я содрогалась от рвоты.

Когда болезненные рывки внутри меня прекратились, я замела ногой снег на отвратительное пятно – хорошо, что Вадиковы соседки уже спят и никто, похоже, меня не видит! – и тут в поле моего зрения, на фоне белого снега, появилась рука в рыжем дубленочном рукаве и протянула мне чистый платок.

Я повернулась. «Дядя Игорь» стоял у меня за спиной, без улыбки и без заигрывания, но и не хмуро смотрел на меня.

– Все в порядке? – спросил он меня спокойно.

Я кивнула.

– Тебе надо что-нибудь выпить, чтобы убрать неприятный вкус во рту, – сказал он. – Садись. – И он открыл дверцу машины, которая стояла тут же, у подъезда.

Меня бил озноб. Я хотела спросить, куда он собирается меня везти, но у меня не было сил. Он был не посторонний человек, все-таки дядя Вадима, и я доверилась его опеке. Не домой же мне было, в самом деле, идти на глаза к маме. Она потом полночи будет валокордин пить.

А приехали мы в ресторан. В такой ресторан, который я только в кино видела. Я даже не знала, что в Москве такие существуют – уже.

Сначала подлетел гардеробщик и снял с меня мою старую позорную шубу – будто дорогой подарок развернул, бережно и осторожно. Потом подошел другой человек в галстук-бабочке, сказал: «Добро пожаловать», и повел нас наверх по лестнице, устланной ковром. Сверху доносились музыка и вкусные запахи.

Зал был полон цветов в вазах. Играл оркестр. На площадке перед ним топтался разодетый танцующий народ.

Человек в галстук-бабочке провел нас за столик, и его сменил усердный официант. Только теперь до меня дошло, что Игоря здесь знают: здороваются с почтением, которое не афишируется, но чувствуется. Он заказал себе какую-то еду, а мне... чаю с лимоном. Но мне ничего другого и не хотелось в тот момент, с этим он угадал.

Я выпила два стакана, приходя в себя и рассеянно глядя на танцующих. Игорь изредка говорил что-то ненавязчивое. Он объяснил, что зашел к Вадиму просто так, потому что был рядом, через два дома, у каких-то знакомых, и решил заглянуть к старшему брату, коим ему приходится отец Вадима. Еще он сказал, что пить вредно, вернее, пить вообще-то не вредно, но вот *напиваться* точно вредно. Потом стал объяснять, в какой момент нужно остановиться, чтобы не получилось слишком поздно. Затем спрашивал про школу, про то,

что я собираюсь после школы делать (Что? Я сама не знала...), говорил про иностранные языки, про новое поколение, про рыночную экономику... Я смотрела на него и думала о том, что он относится к тому редкому типу блондинов, у которых волосы выются мелко, как у негра, отчего его русский и курчавый ежик стойко торчал без всяких лаков, придавая лицу Игоря голливудский шик. Серые глаза смотрели мягко, улыбка лучилась обаянием и от ямочки на подбородке веяло добродушием... Симпатичный мужик, одним словом.

Я засыпала. Тепло от горячего чая разлилось по телу, озноб исчез, боль от спазмов уже прошла, нервничать я тоже перестала, ну глаза и стали закрываться.

Игорь отвез меня домой и попрощался перед моим подъездом. Он ни на что не намекал, не просил свиданий, ни номера телефона, наоборот – он меня поблагодарил за вечер, как будто я его осчастливила тем, что меня стошнило на его глазах... Чудной!

А потом...

Примерно через неделю он появился у меня на пути от школы к дому. Он топтался на снегу, поджидая меня, и я узнала его издали, его дубленку, его русский ежик и его машину, припаркованную рядом. Это были белые «Жигули», вероятно, последней модели, я в них не разбираюсь.

Он мне улыбнулся и шагнул навстречу.

– Как ты? – спросил он.

– Хорошо, спасибо.

Девочка-прилежница – это я. Глазки опустила и слегка покраснела.

– Чувствуешь себя нормально?

«Тоже мне Красный Крест, – думаю. – Примчался узнать о моем здоровье!»

– Нормально.

И иду себе, не сбавляя шага. Он за мной.

– Я, – говорит, – не хочу, чтобы ты обо мне плохо думала...

– С чего это мне... – вскинула я глаза.

– погоди, не перебивай! Я принес тебе маленький подарок, он ждет тебя дома. Я твоей маме отдал.

– Подарок? Маме? И что она сказала?!

– Не волнуйся, я представился как посыльный.

Я с сомнением окинула его взглядом. Посыльный. В дубленке, без шапки (из машины-то можно себе позволить пройти десять метров по морозу!), с запахом дорогого одеколona и с холеной бритой мордой, красивый молодой мужик... Бедная моя мама! Сколько валокордина она уже проглотила?

– Посыльный – от кого?

– Я сказал – не знаю. Сказал – велено доставить по вашему адресу для Ольги Самариной.

– Глупость сделали. Моя мама к таким вещам не привыкла, ее инфаркт может хватить. И, собственно, с какой это стати мне подарки? От вас?

– Видишь ли, Оля... – Он слегка сконфузился. – Я такой человек... Импульсивный, что ли... Ты – красивая девочка, мне попала красивая вещица, как раз для тебя... Я не устоял. Ты не должна думать ничего плохого, из этого ровно ничего не следует. Этим я себе лично доставил удовольствие и прошу тебя – очень прошу – не отказываться... Мне это ничего не стоит, и тебя, повторяю, ни к чему не обязывает... Ладно?

– Посмотрим, – сухо ответила я. – А адрес мой у вас откуда? Вадька снабдил?

Я была не на шутку сурова. Я очень старалась. Очень старалась не показать, что мне понравилось, что мне дарят подарок.

Мы были уже возле моего подъезда. Он мне протянул руку, даже целоваться не полез. Я пожалала и быстро ушла. Как там мама, бедняжка, после «посыльного»?

Мама сидела в большой комнате и созерцала здоровенный пакет в подарочной бумаге. Таковую бумагу я видела впервые в жизни: красная, с вытисненными на ней золотыми колокольчиками и свечками с золотыми огоньками. Мама сидела, уставившись на этот пакет, не смея, видимо, к нему прикоснуться.

– Аленка! – сказала она испуганно, будто внутри могла быть спрятана бомба. – Что это?

– Не знаю, – сказала я. – Один придурок прислал мне по-

дарок.

– И что в нем? – с еще большим испугом спросила мама.

– Давай посмотрим, – предложила я.

Я долго бережно разворачивала нарядную обертку, стараюсь не порвать в тех местах, где были склейки скотчем – бумажечку эту я положила потом в шкаф, мало ли, пригодится еще что-нибудь завернуть. Под ней была еще другая, мягкая светлая бумага. Развернули и эту, уже не церемонясь.

И ахнули обе, и упали на стулья по разные стороны стола.

На столе легкой пушистой горкой лежала шуба из голубых песцов.

Только вот не надо, пожалуйста, мне говорить, что это уже было – шубы в подарок. Что вы про это читали и в кино видели. Я же не виновата, что они шубы дарят. Такое было, видимо, поветрие в те годы... Или, может, им просто воображения не хватало – денег хватало, а воображения нет? Или, наоборот, девушкам повально не хватало шуб? Не знаю. Но я вам рассказываю как есть. Подарили шубу – я так и пишу: шубу. Не врать же?

Чувствовать себя женщиной, которой дарят такие роскошные подарки, было приятно. Но я понимала, что моя старая шубейка просто кричала во весь голос, что ей пора на пенсию, на заслуженный отдых, и самым откровенным образом провоцировала на замену себе... Не исключено даже, что Игорю сделалось стыдно за меня в ресторане – пришел,

называется, с дамой... Или он просто почувствовал, что я ее стесняюсь. И «доставил себе удовольствие», как он выразился, сделать красивый жест...

Разумеется, мне следовало бы ее вернуть – больно уж дорого для ничего не значащего подарка. Такой подарок хочешь не хочешь, а сразу начинает значить, как только его увидишь... Я ждала Игоря с нетерпением, прикидывая, когда он объявится в следующий раз. Я придумала легкий, небрежный жест, которым я отдам ему пакет с шубой, и суховатую, но и без лишнего лицемерного нажима интонацию, с которой я скажу: «Я очень тронута, но это ни к чему».

Однако он не приходил. Я, конечно, ему поверила, когда он сказал, что меня это ни к чему не обязывает. Он не стал бы требовать «платы» натурой, он же не смуглый дядька с рынка. Но чтобы он совсем, ну совершенно ни на что не рассчитывал? Абсолютно не интересовался мною? В это я поверить не могла. Придет. Пусть через месяц, но придет.

Прошел месяц, за ним потянулся другой.

Игоря я не искала, чтобы подарок вернуть, – не хотелось у Вадьки выпрашивать про дядю и посвящать его в эту историю – но и шубу не носила. Не знала, что делать. В конце февраля шарахнули такие морозы, что я решилась и надела шубку. Только один раз, она все равно была, как новая, мне бы это не помешало ее вернуть...

Но Игорь не появлялся. Он не звонил, не стерег меня после школы.

Он пропал.

Через год, когда он появился снова на горизонте, было уже как-то нелепо отказываться. Я только сказала ему между прочим: «Спасибо. За шубу, я имею в виду...»

Он появился так, будто мы расстались только вчера. С какой-то непонятной мне уверенностью, что за этот год у меня не случился роман с кем-нибудь другим, словно я обещала ему его ждать и, вне всякого сомнения, сдержала обещание. Появился опять под Новый год и пригласил меня на дискотеку. В новогоднюю ночь я идти отказалась, чтобы не оставлять маму одну, зато на следующий день согласилась.

Он ухаживал красиво. Ненавязчиво, всегда оставляя какое-то неудовлетворенное желание побыть еще в его обществе.

Он был прав, меня только так и можно было взять.

Собственно говоря, когда мы с Игорем уже сблизились, я поняла, что основным его достоинством была именно дипломатичность – он точно чувствовал самых разных людей и умел найти ключ к самым разным характерам. Видимо, именно благодаря этому качеству он так быстро сделал свою карьеру...

Не знаю толком, чем он занимался. В нем нуждались все – политики, банкиры, ученые. Его просили о каких-то услугах и коммунисты, и демократы, и старые чины, и новоиспечен-

ные – люди самые разношерстные, но видные. Он был вежлив и обаятелен со всеми, сдержан, не фамильярен, но очень мил. Меня эта его способность восхищала и завораживала. В нем был класс, и я влюбилась. Нравилось решительно все в нем: и его нужность всем, и его легкое обаяние, и умение сделать вашу жизнь красивой, и серьезность его загадочных дел. Мне нравилось, что он взрослый мужчина, а не мальчишка. Может, это шло от моей безотцовщины? Не знаю... Кому интересно, может почитать вместо моего романа труды доктора Фрейда.

К тому же в постели... Как бы так выразиться поделикатнее... У Игоря и в этом деле был класс. Я не сумею объяснить, откуда я это знаю, опыта у меня не было, чтобы сравнивать. Отдаваясь ему, я была девственницей и только несколько раз целовалась с разными парнями... От них, от мальчишек, исходил детский запах. Их гладкие, юные, безволосые тела, нежная молодая кожа, неуклюже, отдельными волосками прорастающие бородки, их торопливые, нервные жесты, желание показать и доказать свою умелость вызывали во мне что-то сродни отвращению – мне начинало казаться, что мне самой этак лет тридцать, и я соблазняю малолеток, пахнущих молоком.

Игорь же умел *все*, но не торопился мне демонстрировать свою просвещенность в вопросах секса. Он терпеливо, нежно, шаг за шагом вел меня к тому, чтобы я сама открыла себя, свои желания, свое тело. И каждый новый день, каждая

новая ночь становились для меня открытием...

Короче, я в него влюбилась, и это обстоятельство перевернуло мою жизнь. Хотя я неправильно выразилась: не перевернуло, нет – нечего было и переворачивать. В институт – поступала я, как все придурки, на экономический – я провалилась. Записалась на подготовительные курсы, но мне было чудовищно скучно всем этим заниматься. Будущего своего я не видела, экономика мне представлялась делом исключительно тоскливым, но я знала, что надо получить образование и зарабатывать деньги...

Игорь вклинился в мои смутные и скучные планы предложением переехать к нему.

– Если хочешь, можем пожениться, – добавил он.

Он сказал это примерно таким голосом, которым предлагают сходить в кино. Если хочется. А можно и не ходить, если не хочется.

Я понимаю, он предложил, как порядочный человек, на случай, если я девушка со старомодными взглядами. И женился бы, я думаю, если бы я сказала «хочу». Но я сказала:

– Не хочу. Пока. Давай сначала поживем вместе.

Я полагала, что следовало сначала присмотреться ко взрослой жизни, прежде чем брать на себя взрослые обязательства.

У него была однокомнатная, но большая и красиво обставленная квартира в «сталинском» доме недалеко от метро «Динамо», с кучей разных занятных и полезных шту-

чек, приспособлений и механизмов. Стиральная машина меня потрясла: она все делала сама! Была у Игоря и посудомойка, и микроволновка, и прочая хитроумная техника, так что мои обязанности домашней хозяйки оказались совершенно необременительны, разве что пришлось поднапрячь мозги, чтобы научиться со всем этим арсеналом управлять. И к тому же Игорь покупал в недавно появившихся магазинах всякие импортные упаковки с готовыми и полуготовыми продуктами. Вы же не забыли еще, как это потрясло тогда, когда все только начиналось? Мы, конечно, проживаем год за десять, и Россия пятилетней давности кажется Россией прошлого тысячелетия, но все же... Думаю, вы поймете мое потрясение и восторг.

Насчет моей учебы Игорь рассудил так: пока что нечего мучиться дурью и забивать себе голову тем, что не интересно. «Поживи, – сказал он, – со мной, пообщайся с разными людьми, реши, что тебе нравится, и тогда я тебя определю туда, где ты захочешь учиться».

Он так и сказал – «определю».

Подготовительные курсы я с радостью бросила, но зато записалась на компьютерные – по настоянию Игоря. После чего я предалась радостям своей новой жизни – комфортной и красивой жизни с любимым человеком.

Мечта! Не правда ли?

К концу первого года нашей совместной мечты я продол-

жала быть неучем, не замужем и без всяких планов и идей насчет будущего. Меня устраивала та жизнь, которую я вела.

К концу второго года мое образование было ровно на том же месте, как и мой семейный статус. Все было по-прежнему, разве что только поведение Игоря немного изменилось... Он стал рассеянно-внимателен. То есть именно так: внимательный, но как-то рассеянно, мимоходом. Мимоходом – это значит, когда он ходил мимо меня. Но мимо меня он ходил редко, он все больше пробегал мимо кучи других, неведомых мне людей и дел. Я не особенно удивилась, я про такое слышала. Я поняла: мужчина – человек деловой. Он существует лишь тогда и потому, что у него есть Дело. Дело, которое он любит и за которое ему хорошо платят. Без такого Дела он просто существо, лишенное структуры и половых признаков, закомплексованное и агрессивное нечто. Дело для него – как дополнительный орган, который завершает его человеческо-половое формирование. И тогда... О, тогда-то в нем и появляются эта спокойная уверенность в себе, сила, снисходительность к слабым, благородное рыцарство. Все то, что так привлекает мое женское сердце.

Но все эти замечательные качества проявляются во всем блеске только до поры до времени. А именно, до той поры, пока он не завоевал вас. Когда мужчине нужно завоевать женщину – это для него Дело. И на это Дело, на его успешное осуществление он бросает все свои силы. Он не жалеет времени, он тащится на другой конец города, чтобы на морозе

подстерегать вас, он ждет вас на свидание, не считая минут, и делает подарки, не считая денег.

Но когда он вас завоевал – ситуация меняется. Вы больше не важное дело – вы уже *законченное*, сделанное дело. Теперь у него нет времени на вас; теперь, если вы опаздываете, он начинает шипеть, что из-за этого срываются его другие, неотложные и важные Дела, теперь он взвешивает, стоит ли потратить некую сумму на ваши прихоти или лучше ее вложить в сегодняшние Дела.

Это вовсе не означает, что мы с Игорем перестали любить друг друга. Нет! Просто у нас, как я поняла, началась семейная жизнь.

Я смирилась, хотя мне стало немного скучно. Но Игорь молодец, он тонко чувствовал ситуацию и старался вовремя предотвратить нежелательные для него явления. Он меня развлекал, мы часто бывали с ним на разных банкетах и приемах, в театрах и на роскошных дачах у каких-то людей (тоже театр, я вам скажу!). Ему нравились мои колкие замечания, которые в качестве комментариев к увиденному я отпускала уже дома, наедине с ним – он меня выучил дипломатичности, и от нашей с Лениным простоты не осталось и следа.

И все же я скучала. Легонько так, но скучала. Казалось бы, все есть, что только пожелаешь: любовь, причем взаимная, красивая, освобожденная от тягостей быта, любовь, которую Игорь умело и незаметно поддерживал, разогревал, разнообразил выдумками, что в постели, что в нашем совместном

времяпровождении; деньги и связанные с ними чудесные удовольствия – и платья с различными аксессуарами для женской красоты, и выходы светские, на коих все это демонстрировалось, вызывая лютую зависть и теща мое женское тщеславие; дом уютный и комфортный; взаимопонимание с Игорем практически полное... Мы никогда с ним не ссорились. Ну, почти никогда... Если ему что-либо не нравилось, он мне об этом мягко говорил. Обычно это касалось моей «шлифовки», как он выражался, сравнивая меня с неограниченным алмазом, который попал в руки к ювелиру, где под ювелиром подразумевался, естественно, он сам. Бывало, что я с ним не соглашалась, и тогда он серьезно вникал в мои аргументы. Мне нравилось в нем отсутствие желания переспорить, оказаться во что бы то ни стало правым – если он и лидерствовал в нашем союзе, то делал это незаметно и тактично. Никогда предметом раздоров не становилась пережаренная яичница или не оплаченный по рассеянности счет – до подобных мелочей мой Игорь не опускался, и я радовалась, зная от многострадальных приятельниц, что не так уж часто попадаются такие мужчины, как Игорь...

Короче, он являлся *идеальным мужчиной*, мне страшно повезло, я была убеждена, что именно его я прождала всю свою юность, для него хранила свою душевную неприкосновенность и свою девственность и была вознаграждена: он дал мне все то, что мне виделось в моих смутных девичьих грезах.

Я почти уже решила выйти замуж за Игоря... Но ведь замужество означало бы, что продолжится именно та жизнь, которую я уже знала наизусть и которая мне... Не то чтобы при-елась, но как-то исчерпала свои возможности. Душа просила чего-то другого...

Неизвестно чего, разумеется. Кто может сказать, чего ему хочется? Все так понятно, когда люди приперты жизненными обстоятельствами и у них есть *необходимость* бороться – с болезнями, с бедностью, когда они бьются за свое место под солнцем или в сердце другого человека... Это не легкая жизнь, но простая и ясная: цель конкретна, а обдумывание способов ее достижения заполняет все время и все умственное пространство. Заполняет жизнь, одним словом.

А вот когда не надо ничего добиваться? Когда уже все есть? И при этом чего-то не хватает?

Может, его, этого «чего-то», просто безнадежно не существует в природе?..

Отчего же мне казалось, что счастье все еще впереди? Разве все то, что у меня уже было, не было счастьем? Может быть, все дело в том, что Игорь мне слишком легко, без борьбы достался? Или это фокусы неблагоприятной человеческой природы, выраженной поговоркой «что имеем, не храним, потерявши – плачем»?

...Должно быть, Игорь, как всегда, что-то учуял. И взял меня в Париж, куда собирался ехать по каким-то важным делам.

Он сказал, что было бы весьма разумно мой английский дополнить еще и французским, и притащил мне перед самым отъездом интенсивный курс французского языка.

Глава II

ОТРАЖЕНИЕ

ПОКИДАЕТ ЗЕРКАЛА

Кончался август 1995 года. Париж встретил нас жаркой ленивой негой отпускного периода, по-весеннему сочной зеленью и цветами, веселой пестротой витрин магазинов и кафе, толчеей туристов на Елисейских Полях, залитых ярким летним солнцем. Город этот мне понравился сразу, и я с удовольствием бродила по нему, пока Игорь мотался по каким-то делам.

Вечерами мы гуляли по Елисейским Полям и по Итальянскому бульвару или катались по Парижу на машине, которую Игорь взял напрокат, ходили ужинать частенько с какими-то людьми, причем русскими, из того самого разряда, с которыми я клялась никогда не иметь дела... Удивительно, до чего они похожи между собой, у них даже затылки одинаковые: жирные и коротко стриженные, они одинаково тупо щетинились каким-то неуместно-мальчишеским, коротким ежиком...

Иногда мы ужинали с Игорем вдвоем – это было лучше всего. Вечерний воздух был тепл и влажен, народ ходил по улицам, гоняли на роликах мальчишки, кафе и ресторанчики обдавали запахами снеди, за столиками, прямо на тротуа-

рах, сидел праздный люд, глаза по сторонам, и официанты в длинных белых фартуках увертливо сновали между клиентами и прохожими. Мне было хорошо и как-то радостно в Париже. Внутри меня будто все улеглось, замерло, затихло...

Ну да, вы правильно поняли – как природа перед грозой.

В один из последних дней нашего десятидневного пребывания в Париже я, как уже повелось, слонялась днем по улицам...

Вам, может быть, знакомо такое занятное ощущение: идешь по улице и вдруг замечаешь кого-то, удивительно похожего на тебя, идущего с тобой в унисон. Не сразу даже и сообразишь, что это ты сам, твое собственное отражение возникает время от времени в светлых глубинах зеркал, вспыхивающих в витринах магазинов. Вот и со мной так получилось: шла я по улице и глазела на витрины, а оттуда глазело на меня мое отражение, и мне оно очень нравилось, и можно с уверенностью сказать, что я ему тоже: ведь каждый раз, когда я на него взглядывала, оно мне улыбалось!

Так мы и шли, довольные друг другом.

Но потом произошло что-то странное. Мое отражение оказалось не справа от меня в витринах, а слева, на противоположной стороне улицы! И шло оно не в унисон со мной, а мне навстречу! Так же размахивая руками, как и я, но только как-то уж очень независимо...

Оно шло само по себе!..

Только спустя несколько мгновений я сообразила, что и одето мое отражение не так, как я.

И совсем уж потом я вдруг поняла, что *это не я*.

То есть это была я. Но не мое отражение. Просто я шла отдельно от себя, не в витринах, а по тротуару, шла с таким же лицом и с такими же волосами, только причесанными по-другому и одетая по-другому...

Вам стало бы не по себе от раздвоения личности? Мне тоже. Меня было две, и я шла одновременно по разным сторонам улицы!

В общем, не так уж мало времени мне понадобилось, чтобы понять, что по улице идет мой двойник. Да какой там двойник! Копия! Точная копия!

Я смотрела как замороженная. Нечасто удается увидеть со стороны, как ты выглядишь, как ты ходишь, как держишь голову, как откидываешь волосы... Это было очень необычно, но я себе понравилась. По-моему, я эффектная.

Когда я сообразила, что иду за своим отражением неизвестно куда и, в общем-то, неизвестно зачем, мы были уже на перекрестке. Моя копия повернула за угол. Поразмыслив немного, я решила следовать за ней. Но нас разделял перекресток, красный свет на переходе... Дождавшись зеленого, я прибавила шагу и направилась в тот же переулок.

Поздно. Ее нигде не было. Я медленно прошлась по улице, заглядывая сквозь прозрачные витрины во внутренности всяких офисов и магазинов...

Я ее не нашла.

«Кто она? – гадала я, вернувшись в гостиницу. – Откуда такое сходство? Мой двойник, похожий по прихоти природы на меня, как две капли воды? Или?..»

У меня оставалось еще два дня в Париже, и меня тянуло вернуться на эту улочку, найти ее, увидеть ее (себя?) еще раз, спросить, что она думает о нашем необычайном сходстве... Но я так и не решилась. Из-за французского. Я была нема, безъязычна, и смысла в нашей встрече не было никакого.

Игорю я ничего не сказала. Мне почему-то казалось, что фраза «Знаешь, я видела сегодня девушку, похожую на меня» звучит смешно и бессмысленно. Ну и что? – скажет Игорь. Ничего... Игорю я сказала другое. Что если где и изучать французский язык по-настоящему, то это в Париже. И что в Сорбонне есть специальный курс для иностранцев – это я узнала от одного русского паренька, с которым разговорила в магазине. Правда, курс этот рассчитан на несколько месяцев, в течение которых нужно жить в Париже...

Игорь удивился такой идее, пожал плечами. Он что-то взвешивал про себя. И наконец сказал:

– Возьми пока что все необходимые анкеты для заполнения. А там посмотрим.

Но я знала, что это означало согласие.

Месяц в Москве, готовя свои документы для Сорбонны,

я провела, как в бреду. И постоянным сюжетом этого бреда была девушка, похожая на меня. Она мне снилась, я думала о ней повсюду, мысль о ней накрывала меня волной нервной судороги и жара. Я не понимала, что со мной происходит...

Не выдержав, я сказала как-то Игорю. Легко так, вроде невзначай, за завтраком:

– Представляешь, я видела в Париже девушку, похожую на меня как две капли воды! Я обалдела, когда ее увидела! До того похожа...

– Бывает, – ответил Игорь, допивая свой кофе уже стоя. – Я тебе позвоню часа в три.

Ну правильно. А на что я рассчитывала?

Тогда я решилась и пристала к маме. Мама недоуменно пожимала плечами и заверяла, что никакой сестры-близняшки у меня нет и никогда не было. Что я родилась одна-единственная, ее дочка, дочурка, ее ребенок... Она почему-то расплакалась, потом пошла пить валокордин.

Конечно, мама могла так рассентиментальничаться просто из-за воспоминаний о маленьком пушистом бебике, которым я была когда-то, когда умещалась в маминых руках, а теперь вымахала в здоровенную дылду и к тому же переехала к Игорю, и мама скучает в одиночестве, ведь у нее никого, кроме меня, нет... Ну и так далее. Но что-то подозрительное в ее валокордине все же было.

Я сказала:

– Мам, ну, пожалуйста, скажи мне правду... Ты что-то не договариваешь... Я ведь чувствую.

Мама покачала головой, глядя на меня почему-то укоризненно.

– Знаешь, почему мы развелись с твоим отцом? – заговорила она наконец. – Не только потому, что он пил. Но еще и потому, что он меня довел своей ревностью. Ты ведь на него не похожа... Совсем не похожа. Ни чуточки.

Я молчала, не зная, что последует – или не последует? – за этим вступлением. Но и мама замолчала. Наконец я отважилась и спросила:

– Я действительно... То есть мой отец действительно мой?.. Или?..

Мама подняла на меня удивленные глаза и, заливаясь краской, как первоклассница, сказала мне твердо:

– Я твоему отцу не изменяла.

– Извини, мам, не думай, я просто спрашиваю, чтобы понять... Я бы тебя не осудила. Всяко бывает в жизни, – произнесла я философски.

Мама, кажется, удивилась еще больше. Потом улыбнулась и покачала головой:

– Но ты ведь и на меня не похожа. Ни в какой период жизни в твоем лице не промелькнуло сходства с кем-то из нас или хотя бы с дедушками-бабушками... Я наблюдала, как медсестра, целые семьи и знаю, что бывает так: родился младенец – ни на кого не похож, в год становится похож на папу,

к десяти вдруг мама проявляется, к двадцати какая-нибудь бабушка или тетя... Или наоборот. Но ты – никогда, ни на кого. Понимаешь?

– Конечно. Но только я тогда не понимаю, куда ты klo-нишь. Что, по-твоему, следует из факта, что я ни на кого не похожа?

– Я иногда думаю, что тебя перепутали в роддоме, – вздохнула мама. – Я надеюсь, что ты не станешь из-за этого думать, будто я тебя люблю меньше, чем могла бы любить родную дочь? – торопливо добавила она.

– Ты что? С какой стати мне так думать? – я искренне удивилась ходу ее мысли.

– Ты не знаешь, что бывает с детьми, которые узнают, что их усыновили... – снова вздохнула мама. – Случается даже, что они сбегают из дома. В других странах уже давно поняли, какой это шок, и с детства приучают ребенка к мысли, что у него приемные родители...

«Ага, – подумала я, – в таком случае моя копия должна знать, что она приемная дочь!»

И удивилась сама себе: я эту девушку уже зачислила в свои сестры! А ведь, строго говоря, я ее видела всего несколько мгновений, да еще издалека!

– А у нас до сих пор хранят в тайне, – продолжала мама, – а потом – нате вам, приехали, от тебя родная мать отказалась, а мы тебя усыновили... Какая травма для юношеской психики!

– Ну я же не идиотка, – заверила я маму. – И психика у меня уже давно не юношеская. Так ты меня удочерила?

– Что ты! Нет, конечно. Я всегда думала, что ты моя дочь! Только иногда, глядя на тебя, начинала сомневаться, не перепутали ли тебя в роддоме.

– А в каком роддоме я родилась?

– Имени Индиры Ганди¹.

– Может, надо посмотреть в архиве роддома? Кто еще в тот же день родился, сравнить?

– Не хочу, – отрезала мама. – Ты моя дочь, и если тебя и перепутали, то, значит, кто-то растит моего ребенка и любит его, как родного, ни о чем не догадываясь. Мне не нужен никакой другой ребенок, кроме тебя! И я не буду никого искать и разрушать чужое семейное счастье!

Моя милая мама, почему она так уверена, что у кого-то непременно должно быть счастье? Что кто-то так же нежно любит этого ребенка, как она меня?

Некоторое время мы молчали, созерцая друг друга в наступающих сумерках.

– У тебя зрачки расширяются, когда ты так смотришь, аж глаза черными делаются. – Мама передернула плечами, и я только сейчас сообразила, что, задумавшись, уставилась на нее не мигая. – Тебе не нужно ли об очках подумать?

– Мам, нас не могли в роддоме перепутать. Если нас было две... Двойняшек не путают! А если бы и перепутали, тогда

¹ Название вымышленное.

у тебя были бы чужие двойняшки вместо твоих, но сразу две штуки, а не одна из них. Понимаешь?

– Тем лучше, – пожалала плечами мама. – Значит, эта девочка просто на тебя похожа!

Отчего-то день отъезда, который я так ждала и так торопила, мне оказался не в радость.

На сердце была какая-то тяжесть, словно дурное предчувствие. Я долго мучилась, пытаюсь понять, откуда оно исходит, но так и не сумела. И только в аэропорту, проходя таможенную зону, я поняла, в чем дело. Оглянувшись, чтобы еще раз помахать Игорю, я увидела написанное у него на лице облегчение.

Игорь был рад избавиться от меня!

Шевельнулась обида. И даже смутная ревность. В последние дни он очень много работал, приходил поздно, уставал, голова его была занята какими-то делами, и он едва замечал меня, не слышал, когда я с ним заговаривала... Единственное, что живо интересовало его, – это мой отъезд. Он мне помогал во всем, даже в складывании моего чемодана, словно ему не терпелось остаться одному, чтобы я перестала путаться под ногами, заговаривать с ним, когда он сосредоточен, спрашивать, когда придет с работы...

Кажется, я проиграла битву. Между мной и Делами Игорь выбирал не меня.

Промелькнула мысль: я покидаю свое место – в доме Иго-

ря, в жизни Игоря, – и я больше никогда не займу его снова.
Я тогда еще не могла представить, как я была права.
Я тогда еще не могла представить, что происходило в душе Игоря...

Олин отъезд во Францию оказался Игорю очень кстати. Когда Оля ему выдала эту идею, насчет Сорбонны, он даже не мог вообразить, как это будет кстати! Он согласился разлучиться с ней на несколько месяцев, потому что почувствовал: девочка начинает томиться. Ей нужна смена обстановки. Ведь для лю бви разлука – словно освежающий душ. Правда, если это разлука короткая.

Но теперь все сложилось как нельзя удачно. Вот уже несколько дней, как на него свалилось новое дело, и оно только нач инало раскручиваться, предстояло множество хлопот и разъездов, телефонных переговоров и встреч. Дело это не имело никакого отношения к его работе для партии Василия Констан тиновича, но Игорь взялся за него неспроста: в этом деле он мог показать себя с новой стороны. Свои таланты имиджмейкера и специалиста по связям с общественностью, свою способность убеждать и добиваться он уже давно доказал всем. Теперь же у него возникла возможность показать себя не просто краснобаем и теоретиком, но аналитиком-практиком, детективом, способным размотать с кро-

печной зацепки всю цепочку.

Оле же лучше на всякий случай быть подальше на это время. С ее наивной прямолинейностью в сочетании с острой наблюдательностью она могла начать соваться к Игорю с вопросами... Он, конечно, многому ее научил, она стала куда сдержаннее и ди дипломатичнее, но эти ее новые качества распространялись только на внешнее общение, на посторонних людей. С Игорем она была по-прежнему откровенна и открыта, по-прежнему прямолинейна...

Вот и хорошо: пусть пока проживет за границей, развлечется. Франция тоже научит ее сдержанности, поможет Игорю в его воспитательных заботах. Когда Оля увидит, что ее непомерная открытость и непосредственность выглядят в глазах иностранцев как невоспитанность, неумение себя вести с достоинством, – она быстро сделает выводы. Оля девочка способная, а жизнь – учитель талантливый, и учит куда быстрее и прочнее, чем любые разговоры на ту же тему...

Так что все действительно складывается к лучшему.

Глава III

В ПОИСКАХ ОТРАЖЕНИЯ

Я приехала в Париж в конце сентября, лил дождь. Довольно противный, мелкий осенний дождь. Меня встречал какой-то человек, с которым Игорь договорился, по имени Владимир Петрович, – то ли из торгпредства, то ли из консульства, какой-то знакомый знакомых. Он отвез меня на квартиру, которую снял по просьбе Игоря, объяснил как чего и обещал заехать завтра, чтобы сопроводить меня в Сорбонну, где нужно было оформить мое поступление на курс, и в префектуру за студенческой визой.

Он ушел. Я осмотрелась. Квартирка была крохотулечная, таких у нас в России просто не бывает. Кухня была отделена полустенком – не кухня, собственно, а кухонный закуток: плита на две конфорки, маленький холодильник, мойка и пара шкафчиков. Стола там не было, да он бы и не поместился на этом пяточке, где можно было, не сходя с места, достать до всего. В комнате стол, наличествовали раскладной диван, двустворчатый шкаф, этажерка с пятью книжками, какими-то вазочками и камешками, сухими цветочками и дешевой аудиотехникой. Крошечный телевизор располагался на тумбочке у дивана. И еще имелись совместный санузел и вешалка в... чуть не сказала – «в прихожей». Не было там прихожей. Входная дверь открывалась прямо в комнату,

и возле нее находилась вешалка. Вот и все. Это называется «студио». Тут предстояло мне жить несколько месяцев.

Одиночество сразу же сомкнулось вокруг меня, как темная вода, лишь только мою квартирку покинул услужливый, хоть и малоразговорчивый, Владимир Петрович. Оно словно материализовалось из плохо освещенных углов чужой квартиры и сгустилось, удушливо и плотно, заполнив собой все пространство моего маленького жилища. И я не знала, что с ним делать. Слишком уж оно было мне непривычным.

Я человек очень беспечный, отношусь ко всему легко: погода никогда не омрачает моего настроения, отсутствие денег не портит мне жизнь, неприятности меня не удручают (хотя серьезных неприятностей у меня никогда не было), проявления несовершенства человеческой природы в виде всплесков эгоизма, зависти или жмотничества меня не раздражают – во всяком случае, до определенного предела, пока их не слишком много... Короче, у меня легкий характер. Потому-то мои приятельницы чуть что поспешают ко мне – плакаться в жилетку. У меня ведь все всегда хорошо, и к тому же я, отличаясь умом и сообразительностью, всегда готова дать дельный совет, а мое терпение и участие просто безграничны.

Но у меня так и не появилось подруг для себя. То есть таких, чтобы я могла рассказать все-все и попросить совета. Впрочем, может, это оттого, что в советах я не нуждалась

и необходимости плакаться в жилетку не испытывала. Я забыла вам сказать, что я еще и очень уверенная в себе особа. Из чего следует, что я не слишком в них и нуждалась, в подругах. Но зато я всю жизнь жила с мамой, моей лучшей и любимой собеседницей и советчицей, а потом из теплого маминого дома попала к Игорю, который стал для меня сразу всем – и мужчиной, и другом, и наставником...

Поэтому я никогда в своей жизни не испытывала одиночества. Я просто не знала, что это такое. И даже не могла предвидеть, что когда-нибудь изведу это отвратительное чувство, эту звериную тоску, которая гонит на улицу, подальше от замкнутых чужих стен, – куда угодно, в любое пространство, где есть люди.

Я подошла к окну. Густой синий вечер уже опустился на Париж, фонари отражались в мокрой черноте тротуаров, через неровную завесу дождя дрожал золотой силуэт Эйфелевой башни. Стаей цветных летучих мышей распростились над головами прохожих ребристо-когтистые зонты, втекавшие в зазывно разверстые, светлые утробы ресторанов и магазинов...

Я, разумеется, никуда не пошла. Было бы безумием отправиться одной, не зная ни города, ни языка, на вечернюю прогулку. А я отличаюсь не только «умом и сообразительностью», но еще и благоразумием.

Поэтому, как благоразумная девочка, я позвонила Игорю, отчиталась об успешном прибытии, разложила в шкафу свои

вещи и, приняв ванну, легла спать.

В Москве я думала, что в первый же свободный день предприму вылазку на ту улочку, где исчез мой двойник.

Однако на исходе первой недели, которую я потратила на всякие необходимые бумажки, я поняла, что еще не готова к приключениям. Все в этом городе было чужим, все пугало. Хотя при поступлении в Сорбонну мой уровень французского оценили как начальный (а не нулевой, спасибо «интенсивному курсу» и моим способностям к языкам!), мне было очень страшно заговаривать на улице, даже просто для того, чтобы спросить дорогу. Когда мы были здесь с Игорем, я чувствовала себя *туристкой* со всеми причитающимися туристу правами и изначально прощенными слабостями в виде незнания языка или неумения ориентироваться в городе. Теперь же я оказалась *жительницей* Парижа, пусть и временной, но жительницей. Каким-то неведомым мне образом этот факт накладывал на меня ответственность, требовал соответствия городу и стране, – а я им отчаянно не соответствовала! Мне не хотелось выходить на улицу, страшно было войти в метро, стыдно путаться в незнакомых мне деньгах, и даже при слове «бонжур» я почему-то заливалась краской. Прошло больше месяца, прежде чем я отважилась отправиться на поиски моего таинственного двойника.

Не сказать, чтоб я расхрабрилась за это время окончательно, но все-таки не зря я училась в Сорбонне. Не только са-

ми уроки языка, но и необходимость говорить по-французски с остальными студентами – там ведь все были, как и я, иностранцами! – сильно помогли мне. Чувство страха и чудовищного зажима прошло, в метро я уже ориентировалась хорошо, была в состоянии объяснить в магазине и без особых затруднений отсчитать нужную сумму, когда расплачивалась наличными. Правда, я предпочитала расплачиваться кредитной карточкой, которую дал мне Игорь и на которую регулярно поступали от него деньги – ни считать, ни переговариваться с продавцом не надо...

Сначала я хотела было доверить свой секрет Джонатану. Ох, извините, вот я какой писатель – забыла вам о нем рассказать! Джонатан – англичанин, который, как и я, приехал в Сорбонну изучать французский язык. Только с той разницей, что он уже закончил высшую школу управления у себя в Англии, и теперь ему для счастья понадобился французский язык. Вообще они меня поражают, эти иностранцы: едва ли не половина студентов на моем курсе приехали учить французский за бешеные деньги просто так, на всякий случай. Для собственного удовольствия.

Да, так Джонатан – мой приятель. Мы с ним подружились. Вернее, сначала мы с ним никак не общались. Хотя я сразу заметила этого парня: высокий, плечи широкие, узкие бедра – он был заметен издали. При ближайшем рассмотрении к его классически-безупречному сложению добавилась

необычность лица: очень белая кожа с исчезающим никогда легким румянцем на скулах, прямые темные волосы, элегантно подстриженные, светлые прозрачные глаза, резко подчеркнутые черными ресницами, будто накрашенными; прямой нос с энергичным вырезом ноздрей... Акварельная тонкость его черт была неожиданной и удивительной в тяжелом контуре лица, волевого и непроницаемого, высокий лоб свидетельствовал об эмоциональности и развитом воображении... Впрочем, Джонатан, при своем сдержанном характере, никогда не демонстрировал ни того, ни другого. Невозмутимый и холодный, он словно смотрел сквозь меня, когда я впервые заговорила с ним по какому-то учебному поводу. Я даже, помнится, подумала: «голубой», должно быть. Такие красивые мальчики с породистыми утонченными лицами часто бывают гомосексуалистами...

Но потом я стала чувствовать его беглые, едва касающиеся меня взгляды, которые вроде бы не выражали ничего, но которые стали сопровождать меня повсюду.

Я сделала вид, что не замечаю их. Понемножку мы стали общаться и даже подружились, если это слово можно приложить к отношениям такого рода. Я ему нравилась, я это чувствовала, но он мне об этом не говорил и никаких попыток сблизиться со мной не делал. Ну и ладно, так проще. У нас славные дружеские отношения, и меня это очень устраивало. Несмотря на его сдержанность, мне с ним было легко. Он умел слушать, и наше общение обычно складывалось из то-

го, что я щебетала на своем посредственном (как вдруг оказалось) английском, а он кивал головой, подтверждая, что он меня понимает и вроде бы даже разделяет мои мысли, если таковые вдруг проскакивали в моем щебетании, а также изредка поправлял мои ошибки в английском – по моей же настойчивой просьбе.

В общем, у меня впервые в жизни появился просто приятель мужского полу.

Я раздумывала, не сказать ли ему о странной встрече с девушкой, похожей на меня, и не взять ли его с собой на поиски. Но по какой-то, не совсем ясной мне самой причине я решила, что это дело мое личное и почти интимное. И посторонним тут не место.

К этой акции я подготовилась основательно. Все продумав и взвесив, я решила, что самым разумным будет выглядеть как можно нейтральнее. Если я ее найду, то она, вероятно, не обратит на меня внимания, что мне позволит немножко последить за ней... Понять, что она делает на этой улице, сосредоточиться и решить, как мне действовать.

Найдя одежду попроще и побесцветнее – старенькие джинсы и серый свитерок, – я собрала волосы в конский хвост, а затем, по зрелом размышлении, прихватила их в пучок, обвернув черным бархатным «шу-шу»², и решила обойтись без макияжа (помните, я, когда не крашусь, как моль бесцветная).

² Резинка для волос из ткани.

Но я просчиталась. Я не учла того факта, что француженки все очень мало красятся и одеваются черно-серо, во что-то висящее и бесформенное. Мужчины-французы привыкли вглядываться в лица, и их наметанный глаз быстро выхватывает из толпы среди бесцветных «молей» хорошеньких девушек. А с моим-то ростом среди мелких француженок... Короче, смотрели на меня прохожие, смотрели.

Хотя, строго говоря, все обошлось: одетая как рядовая французская девица моих лет, я по крайней мере не слишком бросалась в глаза. И на протяжении всего пути никто не попытался со мной познакомиться. Французы вообще-то довольно сдержанны, они внаглую никогда не рассматривают женщин на улице и никогда не знакомятся нахрапом, а так, вроде случайно пытаются обменяться с вами репликами. И если вы ответите, то завязывается легкий разговор, потом возникает чашечка кофе – в кафе, мои милые, в кафе, тут никто в первый же день не попытается затащить вас к себе! – ну а дальше, как получится... Так вот, никто не попытался со мной познакомиться в этот «ненакрашенный» день. Я даже слегка озадачилась и некоторое время, плутая по бесконечным переходам метро, размышляла на тему «психологические особенности восприятия женского макияжа мужчинами».

У меня подгибались коленки, когда я повернула в заветный переулочек, словно за углом ожидала немедленно натолкнуться на мое отражение. Ничего подобного, разумеется, не

произошло. Я, как и в прошлый раз, прошлась по обеим сторонам переулка, всматриваясь в прохожих, заглядывая в стеклянные витрины, но ничего интересного не заметила. Я растерялась. А на что я, собственно, рассчитывала? Непонятно.

Но я знала одно: эта девушка скрылась в одном из зданий, выходящих в переулок. Просто потому, что покинуть его она бы не успела за те несколько коротких минут, в которые я ее догнала. Значит, так или иначе, но у меня есть шанс ее найти.

Растерянно простояв какое-то время посреди тротуара, я посторонилась, пропустив двух прохожих, что позволило мне слегка прийти в себя. На улице стало неожиданно многолюдно. Из соседних дверей вышло трое, из дверей напротив – еще двое, чуть дальше тоже открылись двери, выпустив на прохладный воздух группу людей. Я взглянула на часы: все ясно, наступил обеденный перерыв. Народ вываливается наружу и направляется в ближайšie кафе, чтобы перекусить... Может, сейчас и моя копия появится из каких-нибудь дверей? Если она работает на этой улице, она тоже пойдет обедать! Конечно, могло быть так, что она, не выходя из конторы, съест свой бутерброд, взяв стаканчик в кофейном автомате... Конечно, могло быть и так, что она на этой улице оказалась случайно... Тогда мне ее здесь не подстеречь. Или она живет здесь... И обедает дома... И все же у меня был шанс! Следовало его использовать.

Я крутилась направо и налево, мешая прохожим, – некоторые взглядывали на меня с любопытством. Мне понадобилось не больше двух минут, чтобы понять, что я действую неправильно. В этой разом образовавшейся толчее я ее наверняка упущу, не говоря уж о том, что она могла зайти куда-нибудь обедать до моего прихода, и было бы куда разумнее заглянуть в имеющиеся на этой улице кафе.

Проследив глазами направление движения оголодавшего служивого народа, я обозначила для себя три пищеточки, находящиеся в том же переулке. Часть людей сворачивала из переулка куда-то налево и куда-то направо, то ли в другие кафе, то ли в магазины, но я решила за двумя зайцами не гнаться и начать с обследования кафе, выходящих в переулок.

Первое кафе было набито битком. «Сожалею, мадемуазель, – расторопный черноглазый официант глянул на меня доброжелательно, – но мест нет». Я кивнула, мол, понятное дело и, обежав глазами маленький зальчик, убедилась в том, что никого, похожего на меня, здесь нет.

Следующее кафе было не просто набито битком, но еще и у входа стояла очередь из четырех человек. Пристроившись в хвост, я рассмотрела сидящих в зале – опять мимо. Возле стойки бара был арочный вход в соседний зал, который не просматривался с моей наблюдательной позиции. Помявшись, я набралась наглости и, обойдя очередь, направилась прямиком в соседний зал. Официант в белом фартуке увер-

нулся от меня с подносом грязной посуды и сказал: «Туалет направо и вниз, мадемуазель». – «Мерси», – улыбнулась я ему и повернула к выходу. Второй зал меня ничем не заинтересовал.

Третья кафешка была поскромнее и попроще. В ней имелось несколько свободных мест, но и в ней не было искомого двойника. Я снова оказалась на улице.

В раздумье я пустилась вниз по переулку, вышла на широкую авеню и повернула наугад налево. Кафе и ресторанчики гирляндой разноцветных навесов тянулись вдоль проспекта не только налево, но и направо, и по противоположной стороне улицы. Чтобы обойти их все, мне обеденного перерыва не хватит! Однако выбора у меня не было, и, утешив себя тем, что я могу вернуться сюда в другой день, я начала обходить кафе по левую сторону авеню.

Когда кафе стали пустеть, я поняла, что обеденное время заканчивается. Смысла в моих дальнейших поисках не было. И все же я решила вернуться в переулок в надежде, что, может, мне повезет и я застану ее входящей в какой-то подъезд... Я двинулась в обратном направлении. «Salut»³, – прокричал кому-то за моей спиной веселый голос.

– За va? – Меня догоняли шаги, и через секунду какой-то молодой человек показался у моего левого плеча. – Qu'est que tu as? – спросил он ошарашенно, заглянув в мое лицо. –

³ Привет (франц.).

Tu as drôle de tkte... Oh, excusez-moi, je me suis trompé⁴... –
И он умчался вперед, весьма смущенный.

Теперь по крайней мере я была уверена, что найду ее на этой улице. Рано или поздно.

Две недели настраивала я себя на дальнейшие поиски. Тоска одиночества, которая с первого же вечера отравляла мне жизнь, постоянно подбивая отправиться вечерком погулять по оживленным улицам, сменилась взбудораженной бессонницей. Я представляла себе, что ей скажу, как скажу... Ничего толком не получалось: слова были идиотскими, бессмысленными. «Привет, ты заметила, как мы с тобой похожи?» Ха-ха, какая непринужденность! «Ой, кажется, у нас что-то общее во внешности!» Фальшиво и противно. «Слушай, никак не могу понять, это ты мой двойник или я – твой?» Сдохнуть можно от остроумия...

По правде говоря, мне было не по себе снова идти на эту улицу, где я могла встретить не только мое отражение, но и людей, которые ее знают. Как себя вести, как реагировать на приветствия, обращенные не ко мне? «Вы обознались, месье». «Вы меня принимаете за кого-то другого, мадемуазель» или «Привет, а ты как поживаешь?»

Наконец мне осточертело об этом думать, и я решила положиться на судьбу и природную сообразительность. (Не за-

⁴ Как дела? Что с тобой? У тебя странное выражение лица... Ох, извините, я обознался (франц.).

были про птицу Говорун?)

Едва я свернула в переулок, вертя по сторонам головой в ожидании выхода служащих, охваченных жаждой подкрепиться, как какой-то парень окликнул меня – ошибки не было, он смотрел мне прямо в глаза:

– Хай, Шерил!

– Хай, – ответила я растерянно.

– How are you?

– Fine, thank you... – И только тут до меня дошло, что мы говорим по-английски, а не по-французски!

Боясь продолжения разговора, я юркнула в ближайшее кафе. Парень удивленно посмотрел мне вслед.

Кафе еще не успело наполниться, и свободные столики были. Я заказала кофе. Я уже никуда не хотела идти и вылавливать в голодном потоке моего двойника – у меня тряслись все поджилки на нервной почве. Кроме того, мне надо было переварить услышанное.

Итак, мое отражение зовут Шерил, в этом нет никаких сомнений. С кем еще он мог меня перепутать, как не с ней? Значит, Шерил. Далее, она англичанка. Или американка. Иначе почему бы он заговорил со мной по-английски? Хотя тот, первый парень говорил по-французски... Так она должна говорить по-французски, раз она здесь работает!

Подоспел мой кофе с одним, как у них тут принято, кусочком сахара. Я затребовала еще один – люблю, знаете ли, сладкий кофе.

Американка. Я в этом уверена. Англичане не говорят «Hi». Со мной в Сорбонне учатся и англичане, и американцы, так что я слегка поднаторела в языках... Что же у нас получается? Американка по имени Шерил, которая по неизвестным мне причинам живет и работает во Франции. Впрочем, американцев, как и людей прочих национальностей, в Париже навалом. И работает она на этой улице... Только вот где же она сама?

Кафе стало заполняться народом – начался массовый исход служащих окрестных контор. Размешав второй кусок сахара, я выпила кофе залпом и стала немножко успокаиваться. Для полной безмятежности нужно было выкурить сигарету.

Достала, прикурила и, оторвав взгляд от пламени зажигалки, увидела через стекло Шерил.

Размашистым шагом она направлялась прямо в мое кафе.

На пороге она остановилась и окинула взглядом помещение. Увидев меня, кивнула, словно у нас с ней была условленная встреча, и прямым ходом двинулась к моему столику.

Подошла.

Села напротив.

Несколько мгновений смотрела на меня молча, во все глаза – как и я на нее, впрочем. Потом сказала:

– Я думала, что Ги сошел с ума. Но он оказался прав. Ты⁵

⁵ Во Франции молодежь обычно обращается друг к другу на «ты».

действительно похожа на меня как две капли воды.

Она говорила по-французски с английским акцентом. Я за себя порадовалась.

– Ты говоришь по-французски? – осведомилась вдруг Шерил, видя, что я молчу.

– Да... – выдавила я из себя, – и по-английски тоже... Только говори помедленнее.

– Помедленнее на каком? На французском или английском?

– На обоих. – Мне удалось наконец слегка улыбнуться.

Шерил внимательно глянула на меня и, кажется, поняла, что я пребываю в полном смятении.

– Представляешь, я выхожу из своей конторы, – заговорила она через минуту, тщательно выговаривая французские слова, – а Ги мне говорит: «Ты что, раздумала обедать? Ты сегодня странная какая-то...» Я ему отвечаю: «Это ты странный, я только еще иду обедать и вовсе не раздумала! Я умираю с голоду!» Он как-то дико на меня посмотрел и сказал: «Шерил, ты только что, две минуты назад, вошла на моих глазах в кафе «Птичка на ветке» и села за столик». – «Да нет, – отвечаю я, – у тебя что-то с головой, мой друг! Я в данный момент нахожусь у дверей моего офиса, из которого вышла минуту назад!» – «Тогда пойди и посмотри, что там за птичка сидит на ветке. Или я сошел с ума».

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

– Вот я и пришла.

Я помотала головой и выдавила из себя наконец:

– Ги – это такой смуглый брюнет с длинными волосами?

– Верно. Ты его заметила?

– Он заговорил со мной... Ты знаешь, я сюда пришла... специально. Чтобы тебя найти.

– Меня найти? – опешила Шерил. – Ты меня знаешь?

– Я тебя видела раньше, на улице, случайно. И я хотела тебя найти, потому что такого сходства не бывает.

– Как это – не бывает? Бывает. И мы с тобой тому доказательство. Ты знаешь, у всех известных людей находятся двойники, да еще и по нескольку. Ты никогда не видела конкурсов двойников?

– Нет, – сказала я, – не видела. Пойдем в туалет.

Шерил жутко удивилась, но, посмотрев на меня, спорить не стала. Мы с ней спустились по винтовой лесенке – причем она шла позади меня и, как мне показалось, с некоторой опаской – и вошли в дамскую комнату.

– Смотри. – Я ее подтолкнула к зеркалу.

Если не считать того, что я была бледна, как полотно, наши лица были похожи. Только с той разницей, что мои волосы были забраны в пучок при помощи бархатной шу-шу, а у нее распущены. У нас даже длина волос была почти одинаковая, что естественно: такие волосы, как у нас с ней – светлые и кудрявые, мечта каждой женщины, – не стригут...

Я стянула свою шу-шу, и льняная воздушная волна опустилась на мои плечи.

Наши лица были не просто похожи.

Они были *идентичны*.

Наши взгляды встретились в зеркале.

– Ты хочешь сказать... – начала Шерил и замолчала.

– А ты можешь сказать что-нибудь другое?

– Но этого не может быть... Ты вообще кто? Ты говоришь с акцентом, ты не француженка? И не англичанка – «помедленнее на обоих языках».

Ну что ж, если она – мой близнец, то она тоже отличается умом и сообразительностью. Это нормально. Гены, знаете ли.

– Я русская.

Мы все еще разговаривали через зеркало, изучая друг друга.

– Русская? – Шерил ахнула, и ее брови взметнулись вверх. Одна немного выше другой. Точно так же, как у меня, когда я удивляюсь. – Из России?

– Оттуда. Из Москвы. Я здесь на курсах «Сивилизасьон Франсез» в Сорбонне. А ты – американка?

– А что, – растерялась Шерил, – заметно разве?

– Нет, легкий акцент есть, но я догадалась потому, что твой Ги заговорил со мной по-английски. И к тому же сказал «Hi».

Шерил покачала головой. «Потрясающе», – пробормотала она.

Не знаю, что ее потрясло – факт нашей необычайной схо-

жести или моя сообразительность. Дабы окончательно убедить ее в последнем, я добавила:

– И тебя зовут Шерил.

Она снова вскинула брови, потом рассмеялась:

– Снова Ги! А тебя-то как зовут?

– Оля. Ольга Самарина.

– Ничего общего. – Шерил сделала рожицу, сдвинув рот в одну сторону, что должно было означать, что я попала впросак. – Я Шерил Диксон.

В ответ я ей скорчила точно такую же рожицу. Шерил молча уставилась на меня, даже не улыбнувшись.

– По-твоему, тут какая-то тайна? – спросила она задумчиво.

– Не знаю. Но ты же видишь нас обеих в зеркале. Задумаешься поневоле.

– У тебя родители – родные?

– Да. Роднее некуда. А у тебя?

– Меня удочерили.

Вот! Ты была права, мамочка!

– Погоди-погоди, удочерили? Так вот тут и надо искать разгадку!

– Но мои настоящие родители погибли в авиакатастрофе. И они были американцами, уроженцами Бостона. С тех пор меня удочерила папина сестра, моя тетя...

Мы снова уставились друг на друга в зеркале.

– Я есть хочу, – сказала Шерил. – Пойдем наверх.

Когда мы вернулись, в зале был Ги. Судя по тому, как он крутил головой, он нас искал. Или Шерил он искал. Единую в двух лицах.

Увидев нас, он как-то криво улыбнулся и слегка побледнел. Стараясь не потерять непринужденность, он сказал нам:

– Девочки, рад убедиться, что я в здравом уме. Как у вас такое получилось?

– Садись, Ги. – Шерил указала ему на третий стул у нашего столика. – Ты ведь еще не обедал? Мы тоже.

Ги не то чтобы сел, скорее опустился на стул, пожирая нас глазами.

– Вы мне объясните, что тут у вас произошло? Одна из вас раздвоилась? Вас сделали по одному клише? Клонировали? Вы однойцовые близнецы?

– А что ты думаешь об этом, Ги? Что бы сказал ты? – спросила его Шерил.

– Не задавайте мне головоломку. Признавайтесь лучше сами, что вы натворили.

– Мы сами не знаем. Мы впервые встретились.

– Me-e-epd[Merde (как и английское shit) употребляется не только в прямом смысле, но и в тех случаях, когда русские произносят «черт»., – протянул Ги, – не может этого быть!

– Причем я, как ты знаешь, американка, а она – русская.

– Русская? Невероятно!

Ги раскачивался на стуле с потрясенным видом.

– Бывают, по-твоему, такие стопроцентные двойники?

– У тебя есть тушь? – деловито обратился он ко мне. –

Накрась глаза.

Я вытащила зеркальце и стала быстро чернить ресницы.

Ги внимательно следил за мной.

– Теперь придвиньте стулья друг к другу, чтобы я мог вас видеть рядом, – скомандовал он.

Мы послушно загремели стульями.

Многие в кафе уже давно поглядывали на наш столик, а теперь на нас уставились просто все. Ги покачался еще на стуле.

– Нет, девочки. – Наконец он оставил свой стул в покое и, поставив локти на стол, придвинулся к нам близко. – Нет, мои дорогие. Вы – близняшки. В этом нет никаких сомнений.

Обеденное время кончилось. Мы обменялись телефонами и условились созвониться ближе к концу недели. Шерил вернулась к себе на работу – она работала в конторе американского банка, а я, совершенно обалдев и чувствуя себя невероятно усталой, поползла домой, где немедленно забралась в постель и, завернувшись по уши в одеяло, уснула.

Уже давно стемнело, и в мою квартирку вполз мрак и осел в углах. Я открыла глаза.

Было одиноко. Было пусто. Не хватало Шерил.

Она не звонила.

Правильно, мы же условились к концу недели.

Моя квартира и моя жизнь сделались пустыми. Шерил – или наше загадочное и невероятное сходство? – влекла меня к себе. В первую же встречу она сделалась основным содержанием моих мыслей, во вторую – основным содержанием моей жизни. Слишком быстро и слишком сильно.

Я испугалась.

Я тоже не стала звонить.

...Мы с Джонатаном устали подносить тарелками с разными блюдами и, выбрав столик у стенки, уселись перекусить. Студенческая столовая была полна народу, и в зале стоял многоязычный гул. Мимо прошмыгнули мелкие, как дети, вьетнамцы, сзади нас разливался итальянский, рядом две длинноногие белесые голландки кокетничали на плохом французском с коренастым американцем в кепи задом наперед – в Сорбонне французский был средством международного общения. Мы с Джонатаном говорили по-английски – я решила, что мне надо тренироваться, ведь Шерил американка...

– Ты какой-то киносценарий сочинила, – сказал Джонатан, когда я закончила рассказывать свою историю встречи с моим двойником. – Это слишком неправдоподобно!

– Ты бы нас видел рядом! – Я налила себе пива в стакан. Джонатан всегда пил только воду.

– Хорошо. Скажи тогда, как такое может быть? Как твоя

сестра-близняшка могла затеряться на другом конце земного шара?

– В том-то все и дело...

– У тебя мать родная?

– Да... Но у нее – приемная!

– И что, по-твоему, твоя мать подарила второго ребенка какой-то американке? Или продала за твердую валюту?

Я представила свою маму в роли сначала щедрой благотворительницы, дарящей своих детей иностранцам, затем в роли торговца своими детьми и поняла, что в моей голове поселился бред.

– Ты прав, – вынужденно признала я. – А отчего тогда мы так похожи?

– Игра природы, – ответил Джонатан.

Я задумалась. Джонатан тоже.

– Тебе одиноко, – сказал он вдруг задушевно, касаясь моей руки. Такой смелый жест он позволил себе впервые со времени нашего знакомства. – Ты у мамы одна, и отца у тебя нет. Так часто бывает в неполных семьях – чувство одиночества. И тебе очень хочется верить, что ты нашла свою сестру. Это твоя подсознательная мечта. И я догадываюсь, что ты сейчас чувствуешь...

В его взгляде читалась мужественная готовность дать мне понять, что я ему нравлюсь.

– Но только не стоит принимать желаемое за действительное, – добавил он мягко.

Я выдернула свою руку из его ладони.

– Тебе же потом будет больно, – заторопился объяснить мне свою логику Джонатан, – когда ты поймешь, что это хоть и редкое, но всего-навсего сходство. И что каждая из вас живет своей жизнью, в своей стране...

Я чуть не плакала. Если он в чем и был прав – так это в том, что мне изо всех сил хотелось верить, что Шерил – моя сестра.

– Извини, что я тебе даю советы (конечно, советы тут давать неприлично, вмешательство в частную жизнь, понимаете ли!)... Постарайся отнестись к ней как к просто симпатичной девушке, которая могла бы – в лучшем случае – стать твоей подругой... Извини, – добавил он еще разок для верности, на случай, если я еще не приняла к сведению десять предыдущих извинений, – я просто не хочу, чтобы ты страдала от разочарований.

– Спасибо, Джонатан. Ты очень милый. Мне пора.

Я повернулась и пошла по гулким мраморным коридорам Сорбонны к тяжелым старинным дверям выхода. По-моему, Джонатан смотрел мне в спину.

Может, он был и прав, но он опоздал. Шерил *уже* вошла в мою жизнь. И мне было *уже* больно ее вычеркнуть.

Наступили выходные. Я мучилась и не знала, что делать. Мне страшно хотелось быть рядом с Шерил, звонить ей, говорить с ней. Но меня удерживало несколько трезвых соображений. Во-первых, Джонатан был прав, и его слова осели

в моем сознании. Во-вторых, я боялась быть навязчивой. С ними, с западными людьми, всегда приходится быть начеку. Они церемонны в форме и сдержанны в содержании. Получается вежливо и обтекаемо. Никогда не скажут: «Мне это не нравится», а что-то вроде: «Это славно». Считайте, что не понравилось. Потому что, если понравилось, тогда скажут: «Это очень славно». Очень – значит ничего, сносно. Дипломатический тренинг, которым я обязана Игорю, мне сильно помог – если бы я сохранила свою ленинскую простоту, то вообще не сумела бы не то что общаться с ними, но даже и догадаться, в чем тут фокус. Мы, в России, куда более откровенны и открыты и в целом, если на обратное нет особых причин, говорим то, что думаем. Западные же люди принципиально говорят именно не то, что думают, и им нужны особые причины, чтобы сказать правду... Занятно, да?

Все это надо было сначала постичь, потом как-то научиться их понимать и с ними говорить на том же языке... Впрочем, последнее мне слабо удавалось. У них-то эти китайские церемонии в крови, они интуитивно знают, как надо и как не надо. Мне же приходилось обдумывать каждый свой жест, и, лишенный помощи чувств и интуиции, мой интеллект кряхтел от натуги, прежде чем принять решение.

Он прокряхтел весь уик-энд. Я так и не позвонила ей. «Созвониться» – это ведь неизвестно, кто должен звонить. Кто-то должен был сделать первым этот шаг. Я оставила это право Шерил.

Телефон молчал. Если не считать обычного звонка от Игоря.

Я мучилась и ждала.

Может быть, Шерил тоже не знала, кто должен звонить первый? И тоже решила предоставить это право мне? Может, все-таки позвонить?..

Я позвонила Джонатану.

Джонатан явно обрадовался, словно он, точно как и я, сидел у телефона и ждал звонка. Но только моего звонка. Я ему нравлюсь, это понятно, но он мне никогда не звонит. Русский парень уже бы оборвал телефон, уже бы мне предложил тысячу вариантов, как встретиться. Но не Джонатан, с его манерами западного человека вообще и аристократа в частности. А если он не проявляет инициативу, то на что он тогда может рассчитывать? Не потому, конечно, что я хочу, чтобы он эту инициативу проявил, а просто интересно, как в его голове это происходит...

Хотя все может быть куда проще: ведь я сказала ему, что я замужем. Я с самого начала не знала, что у них тут принято жить вместе неженатыми, и даже для таких пар есть специальный раздел в своде законов для семьи и брака – то есть *сожительство* признано обществом и является одним из его институтов. А мне тогда было неловко сказать, что я «*сожительствою*» с Игорем... Теперь уже поздно объяснять. Впрочем, и незачем: никаких видов на Джонатана у ме-

ня нет.

Позвонила я ему, потому что начала сходить с ума от острого чувства одиночества и неполноценности моей жизни.

– Хочешь, в кино сходим? – предложил Джонатан. – Если ты не занята.

– Давай, – обрадовалась я. Не сидеть же мне допоздна одной, поглядывая на телефон!

Джонатан тоже обрадовался и стал договариваться со мной о фильме и месте встречи.

Мы условились на полвосьмого. Было шесть. Я пошла краситься и одеваться.

Шерил позвонила, когда я закончила макияж.

– *Оля*, знаешь что? – и замолчала.

Я подождала и, поняв, что молчание затягивается, напомнила ей:

– Я тебя слушаю, Шерил...

– Мне кажется, что можно было бы предположить, что мы действительно близняшки, – тихо сказала мне она. (Не удивляйтесь этой витиеватой манере изъясняться. Как я вам уже говорила, высказать прямо и открыто свои чувства или мысли считается у этих людей почему-то неприличным.)

– Почему? – опешила я. Не от предложения Шерил, а от самого факта, что она отважилась мне об этом сообщить.

– Потому что мне тебя страшно не хватает.

Я обалдела еще больше.

– Приезжай, – сказала ей я. – У тебя есть машина? Тогда записывай адрес.

Мне было ужасно неудобно перед Джонатаном. Извиняющимся голосом, со всей посильной нежностью я ворковала в телефон, что в другой раз уж непременно...

– Не беспокойся, – сказал он. – Желаю вам хорошо провести вечер.

Все-таки в умении не показывать свои чувства есть свои положительные стороны.

– Я вот подумал... – сказал вдруг Джонатан, когда я уже собиралась положить трубку. – Спроси-ка у нее, где она родилась. На всякий случай.

Я кинулась приводить свою квартирку в порядок. Опыт моей семейной жизни в Москве, устроенной Игорем на западный манер, мне очень пригодился. Я быстро придумала небольшой ужин, накрыла красиво на стол, поставила свечи... и поймала себя на мысли о том, что жду встречи с Шерил, как любовного свидания.

И даже с еще большим нетерпением.

...В дрожащем пламени свечи ее лицо, такое знакомое и родное, такое мое собственное лицо, казалось невероятно красивым. Нежный овал лица, орумяненный отблеском све-

чи, синие глаза, таинственно мерцающие из теней, тонкий нос, изящный рот... Я любовалась ею, почти не слушая и не слыша ее слов. В какой-то момент мне стало казаться, что я схожу с ума, что влюбилась в самое себя и не могу оторвать глаз от собственного изображения. Я никак не могла разделить «я» и «она», у меня голова шла кругом...

Я вспомнила рассказ мамы, как однажды, придя на уколы в одну квартиру, она попросила трехлетних мальчишек-близнецов не шуметь, поскольку их старшая сестра заболела. На что один из них, подняв ясные голубые глазенки на мою маму, сказал удивленно: «Как же я могу шуметь? Ведь я же играю один!» Вот примерно то же самое испытывала я.

Я спохватилась, когда услышала конец предложения: «... и из-за этого я крайне мало знаю о своих родителях...»

«Эй, – сказала я себе, – ну-ка возьми себя в руки, Оля! Иначе ты все прослушаешь! Все то, что ты так хотела узнать!!!»

– Шерил, – сказала я с извиняющимся смешком, – я до такой степени шокирована нашим сходством, что все мои усилия сводятся к тому, чтобы немножко привыкнуть к этому факту... Не могла бы ты повторить последнюю фразу?

В ответ Шерил мне улыбнулась и сказала:

– Я тебя понимаю, я чувствую то же самое. – И глаза ее засияли.

Боже мой, боже мой, я и не знала, как я хороша! И это

вот так смотрят на меня мужчины и думают: «Как же она красива, эта Оля!» Ах, теперь я их понимаю...

Стоп. Хватит. Приготовь свои уши и слушай. Шерил, кстати, если и чувствует то же самое, то владеет собой в совершенстве. А ты тут пребываешь в обмороке от восторга по поводу самой себя, ненормальная!

– Моя приемная мать, – внятно сказала Шерил и посмотрела на меня, словно проверяя, слушаю ли я ее на этот раз, – очень ревнива. Она не любит, когда я задаю ей вопросы о своем детстве. Она на них никогда не отвечает, но, напротив, осыпает меня градом упреков, что я ее не люблю и не благодарна ей за то, что она меня воспитала... И из-за этого я крайне мало знаю о своих родителях.

– А приемный отец?

Шерил легонько усмехнулась, и у меня появилось подозрение, что я и на эту тему что-то прослушала. Но она меня не упрекнула, а просто ответила:

– Мой приемный отец разошелся с Кати – так зовут мою приемную мать, – когда я была еще совсем маленькая. Я вполне представляю себе, что ему было трудно с ней жить: у Кати характер нелегкий... Он уехал в Калифорнию, у него другая семья, и я его с тех пор не видела.

– Может быть, Кати что-то скрывает? И поэтому так не любит твои вопросы?

– Мне эта мысль никогда не приходила в голову. Я всегда объясняла это ревностью. И потом, что она может скрывать?

Она моя тетя, сестра моего папы, которая взяла меня на воспитание после смерти моих родителей... Если бы мои родители меня удочерили, мне бы об этом сказали – у нас принято с детства приучать ребенка к этой мысли... К тому же, в моей метрике написано, кто мои родители!

– А они, кстати, у тебя кем были?

– Мама не работала, а отец... Он работал в дипломатических сферах.

– А тетя твоя?

– Она служит в одной фирме по торговле недвижимостью.

– У нее своих детей никогда не было?

– Не получилось.

Тут я вспомнила наставления Джонатана.

– А ты родилась в Бостоне?

– Нет. В Париже.

– Вот как? – воскликнула я с напором. У меня появилось ощущение, что я нащупала какую-то ниточку.

Шерил мгновенно почувствовала это и ответила, словно сожалея, что она меня разочаровывает:

– Мама была в Париже в гостях у своей кузины, и у нее начались преждевременные роды...

Конечно, мы близняшки. Ведь она читает мои мысли. И неважно, где она родилась, где я родилась. Я чувствую это нутром, всем своим организмом, всеми клеточками моего существа. Мы – сестры!

Шерил заночевала у меня, а утром меня разбудил звонок Игоря.

– Сережа будет в Париже, – сказал мне Игорь. – Должен прилететь в следующее воскресенье, на один день.

Сережа вращался в тех же кругах, что и мой Игорек – политики, банкиры, знаменитости. Кажется, он выполнял какие-то поручения Игоря, хотя я никогда не могла понять, где работает сам Игорь и существует ли какой-то официальный штат людей, к которому бы он относился или которым бы он руководил. «Я помогаю людям решать их проблемы, – объяснял мне Игорь, – и у меня всегда есть работа, потому что у людей всегда есть проблемы; но у меня нет службы». А Сережа, стало быть, помогал Игорю помогать людям решать их проблемы?

Это был лощеный, довольно милостивый мальчик, на два года старше меня, который не сводил с меня глаз, когда мы встречались, и на его самолюбивом лице было написано: я ничем не хуже, чем твой Игорь, так что тебе стоит подумать... Честно сказать, хотя я девица довольно-таки тщеславная и внимание к моей особе со стороны мужского пола люблю, но Сережа меня раздражал своим претенциозным стилем, своими амбициями, своей явно завышенной самооценкой.

Кроме того, в нем была какая-то странная двойственность. Да, он был милостив, русоволосый и сероглазый, худой, немножко нескладный, с большими крестьянскими ру-

ками и ногами – такими большими, что башмаки его казались нарочито-клоунскими. Одним словом – первый парень на деревне, не хватало только гармони в руках и кепки набекрень. Казалось бы, смешной провинциал, изо всех сил старающийся освоить столичный лоск и образ жизни... Но на самом деле в нем вовсе не было этой сельской простоты, которую как бы обещал его деревенский облик: настороженный взгляд, о котором говорят «себе на уме», мгновенная реакция, с которой он улавливал суть слов и поручений, быстро развеивали это ошибочное впечатление... Приглядевшись, я вдруг начала замечать в его лице нелепое сочетание миловидности и почти уродства, будто, как в детских сказках, у его колыбели стояли две феи, добрая и злая, и первая старалась как-то компенсировать злобные проделки второй. Так, его слабый, острый, немужской подбородок украшала весьма симпатичная ямочка; впалым щекам придавал мужественный характер нос, слегка приплюснутый, как у боксеров, в переносице; от торчащего кадыка отвлекали мягкие длинные волосы «а-ля Есенин».

Короче, он был не симпатичен, не достаточно умен и еще слишком юн, на мой вкус, не говоря уж о том, что у меня был Игорь и мне никто другой не был нужен.

– Я тебе перешлю с ним маленький подарок, – добавил Игорь.

Я поняла, конечно, что речь идет о деньгах, о наличных – мы с ним еще в Москве договорились, что счет счетом, но

иногда какие-то суммы он будет мне передавать с оказией.

– Сережа тебе позвонит, когда приедет, я дам ему твой телефон. Посоветуй ему, что посмотреть в Париже, ты ведь у меня теперь парижский старожил... Тебе не нужно чего еще?

– Черного хлеба, соленых огурцов и квашеной капусты. Только выбери на рынке сам!

– Ну, насчет капусты я не уверен – как он, по-твоему, по-тащит ее?

– Хоть немножечко! – жалобно сказала я.

– Ладно. – Я слышала, как он улыбается на том конце провода. – Как, кстати, дела с французским?

– Страшный прогресс. Вернусь – пойду к тебе на службу. Нельзя же дать пропасть таким знаниям. Возьмешь в переводчики?

– Непременно. Переведем на французский программу Василия Константиновича и пошлем в подарок Ле Пену⁶.

– Вот, а ты говорил, что он не националист!

Игорь засмеялся:

– Я пошутил, Олюнчик. Как ты вообще, не скучаешь?

– Только по тебе.

Он снова улыбнулся:

– А вообще – нет? Как проводишь свободное время?

– Игорь, – решила я, сама не зная, почему мне так трудно заговорить об этом, – я ее нашла!

⁶ Президент французского «Национального фронта», крайне правой националистической партии.

– Кого?

– Ту девушку, помнишь, я тебе рассказывала, похожую на меня?

– Поздравляю.

– Я тебе пришлю фотографию, посмотришь!

– Ладно-ладно, присылай. И письмо напиши, поподробней. Мне все про тебя интересно. Не забудь, Сережа пробудет только один день в Париже, приготовь все заранее! Но у тебя до его приезда есть неделя, так что успеешь написать десять страниц.

– У меня рука отсохнет!

– Я тебе компьютер портативный куплю, хочешь?

– Хочу. Чтобы тебе письма писать.

– Так ты меня еще не разлюбила?

– А ты?

– Разлюбил, конечно.

– Я так и знала: с глаз долой – из сердца вон.

– Я тебя целую, маленькая.

– Я тебя тоже, Игореша.

– Ты в каком роддоме родилась? – вдруг спросил он.

– Имени Индиры Ганди... – Я страшно удивилась этому вопросу. – А что?

– Да нет, я так. Целую, котенок. Звякну через пару дней.

«Какие глупости мне лезут в голову, даже смешно!» – думал Игорь, кладя трубку. Конечно, Оля тут ни при чем. Иначе и быть не может. Просто он по ней соскучился – потому и во лнуется. В разлуке всегда так бывает: всякие нелепые страхи лезут в голову.

Потому что, да, соскучился!.. Дом пуст без Оли. Им хорошо жилось вместе, дружно и легко. Они никогда не ссорились. Ну разве только чуть-чуть, изредка...

Он улыбнулся, вспомнив запальчивую Олину фразу, только что сказанную по телефону: «...а ты говорил, что он не националист!» – в ней как раз прозвучали отголоски недавней маленькой ссоры.

...Они вернулись с дачи Василия Константиновича, где обсуждались очередные мероприятия его предвыборной кампании. Оля, казалось бы, вовсе и не слушала их разговоры, болтая с Андрюшей, их специалистом по экономическим вопросам, который сам, впрочем, нить разговора не упустил и даже, смешиа Ол ю, ухитрился подавать реплики и идеи.

Оказалось, однако, что и Оля прислушивалась. Иначе почему бы она, уже дома, выйдя из ванной, вдруг спросила:

– Он националист?

– Кто? – невинно поинтересовался Игорь, прекрасно понимая, о ком идет речь.

– Василий Константинович.

– Мальши, между патриотами и националистами есть большая разница...

Оля перебила:

– Именно поэтому я и спрашиваю. Патриотическое общество – ладно, куда ни шло, слегка впадает в крайности, но не без пользы для исправления национального самосознания. Но...

Игорь посмотрел на нее удивленно:

– Я не знал, что ты владеешь подобными понятиями.

– Ну вот теперь знаешь, – усмехнулась Оля довольно. – Но национализм? Мне показалось в одном вашем разговоре, что он антисемит...

Василий Константинович был не просто антисемитом. Он был воинствующим антисемитом, и еще много анти-кем. Сп искок был длинен, и Игорь частенько думал, что, дорвись Вася до власти, в стране могут начаться погромы. Причем громить будут не только инородцев, но и инакомыслящих...

Но до власти он не дорвется, Игорь ему не позволит. До Думы – да, а дальше – нет. А без помощи Игоря – Вася никто. Ни деньги, ни дружбанство с сильными мира сего не помогут ему добиться успеха без главной составляющей политического успеха: без электората, без голосов избирателей. А голоса – э то Игорь. Только он умел объяснить, привлечь, завуалировать одно и сделать нажим на другое так, что

люди начинали видеть им енно в этой политической фигуре залог спасения страны, руку, способную навести порядок, сохранив при этом демократию и даже ускорив ее продвижение, особенно в экономической области. Область сия трогала души избирателей больше всего: обещанный кусок хлеба с маслом, к которому непременно должен был, рукою их политического избранника, приложиться еще кусок колбасы и смутно намекалась в дополнение и икра – эта перспектива была самой заманчивой и для Василия Константиновича – беспроегрышной.

– Ну, не более чем все, – ответил Игорь. – Обычный бытовой антисемитизм.

– Терпеть не могу это «все»! Меня «все» не интересуют! Если эти «все» водку пьют не просыхая и воруют, то это не значит, что так и надо делать! И что мы должны с такими людьми общаться!

– Пионерка ты моя!

– Игорь, это неинтеллигентно – быть антисемитом, это не...

Оля аж задохнулась от негодования.

Игорь усмехнулся. Скажи Вале, что он неинтеллигентный человек – вот уж он посмеется! Такие категории в его умственном обиходе не существуют. Для Василия Константиновича мир устроен четко и просто: есть цель, есть дело, и хорош тот, кто умеет идти к цели и делать дело. Все остальное чушь, розовая вода, выдумки писателей, кото-

рые годятся только на то, чтобы держать народ в зависимости от социальной прослойки, в узде совестливости, или представлений о порядочности, или интеллигентности... А нынче Васе весьма на руку, что религия возвращается: инструмент получше и посильнее, чтобы тот же народ держать в нужных рамках. И Вася уже им пользуется вовсю: в церковь ходит сам и всех «своих» заставляя – чтобы народ видел; разглагольствует о религии и богобоязненной народной душе, о традициях и национальных корнях...

Игорь в церковь не ходит – он вообще среди всех них на особом положении, совершенно независимом: мыслительный центр, интеллектуальное достояние партии; но эти тексты про русскую душу ему Игорь пишет. Что ж, каждому свое. Игорь на чужое поле не суется, чужими проблемами порядочности не занимается. Каждый решает их для себя самостоятельно, и если уж что неинтеллигентно – так это соваться со своими нравоучениями и тем более осуждениями, пусть даже и невысказанными. Какое ему дело? Он не судья. Даже Господь Бог сказал: не судите, да не судимы будете. Что-что, а уж Библию он изучил – один из основных его рабочих инструментов, которым он широко пользуется. В Библии есть все на все случаи ж изни, и Игорь всегда найдет подходящую для их с Васей случая цитату. А им подходит все, что касается любви, смирения, самоотречения и веры. Ну а то, что в Библии им не подходит, – так упоминать необязательно! В своих речах для Васи он не станет цитировать: «Не сотвори

себе кумира»...

*Религиозный уклон в сочетании с идеей порядка и мгновенного восстановления экономики действовал безотказно. Избиратели присоединялись пачками. Намек на предстоящую чистку страны от инородцев и иностранцев Вася подпускал в свои речи сам, по своей инициативе. На самом деле, Вася лично не имел ничего против ни евреев, ни прочих инородцев, охотно пользовался их услугами и помощью, и если и избегал открытого общения с ними, то только ради соответствия провозглашаемых идей с образом своей жизни. Однако эта антипропаганда была мощным оружием для сплочения своих политических поклонников, превращения их в агрессивную стаю: как в мире уголовном, так и в прочих вполне цивилизованных мирах дружить надо непременно **противкого-то**. Только таким образом, чувствуя враждебность (пусть и вымышленную, какая разница!) по отношению к себе со стороны всяких инородцев и инакомыслящих, политические сторонники превращаются в единомышленников, группа симпатизирующих и разделяющих убеждения превращается в партию.*

Но этого Оле не объяснишь. Мала и наивна. Милая славная девочка, умничка, хороший чистый человек, красулячка, сладкий домашний котенок – она не просто незрелая, она никогда и не дозреет до понимания таких вещей! Вот стоит, ждет ответа, синие глазки округлились, пухлые губки поджались – ох, какая суровая!

– Я и не знал, что ты себя причисляешь к интеллигенции, – насмешливо сказал Игорь.

Он нарочно так грубо ответил ей. Оля действительно не принадлежала к этой среде, если говорить о среде, и слава богу, надо сказать – Игорь среду эту не то чтобы не любил, но сме трел на нее с большой иронией, отчетливо видя за страстью к красивым и интеллектуальным рассуждениям все те же человеческие слабости, те же низменные движения души, которые ничуть не исправились от приобщения к большой культуре... Эти небрежно бросаемые в разговорах интеллектуальные понятия служили им чем-то вроде лейбла на джинсах, марки, по которым они узнавали друг друга, опознавали принадлежность к клану избранных, которым эти марки доступны. Но, как из вестно, ни одна еще фирменная вещь не исправила природных недостатков фигуры, не прибавила красоты лицу и душе...

Однако Оля не знала эту среду, опыта у нее было мало-вато, чтобы все это понимать, встречи с людьми творческими вызывали в ней восхищение, и для нее слово «интеллигентный» являлось несомненным комплиментом. И Игорь знал, что обидит ее своей репликой. Но это ерунда, комариный укус – ему просто надо уйти от темы.

Оля не замедлила обидеться.

– По-твоему, интеллигентность раздается, как посты, по благу? – взвилась она. – На должность интеллигента назначают, что ли? Это, если тебе подобная мысль не

приходила в голову, – внутри тебя, это твоя личная культура, которая всегда с тобой, а уж где ты ее принял, где ты сумел ее вобрать – не имеет никакого значения! Все, чему меня научили моя мама и моя учительница литературы, все, что дали мне книги – это та самая культура, которая выражается не в умении красиво рассуждать на интеллектуальные темы – тут я с тобой тягаться не стану, – а во взгляде на вещи!

– Уф-уф, ну ты меня просто положила на лопатки! Я и не знал, что ты у меня такой философ...

– Так вот, – продолжала она, разгорячившись, – это не умно, не справедливо, не интеллигентно и не культурно – быть анти-кто-угодно. А еще хуже – делать свое «анти» смыслом своей политики и вбивать эту гадость в головы «всех», у которых свои мозги никогда не работали и уже не будут.

Игорь улыбнулся:

– Ты такая хорошенькая становишься, когда злишься! Разрумянилась вся, глаза блестят...

– А так я что – не хорошенькая?

Игорь притянул Олю к себе. Отстранив губы от поцелуя, она сказала:

– Ты не ответил на мой вопрос. Его партия – националистическая?

– Нет, малыш, успокойся. Он умеренный патриот, без всяких крайностей...

Игорь сумел ее обмануть тогда, но ее наблюдательность его обеспокоила. Оля стала замечать куда больше, чем раньше; она начала размышлять и анализировать, и потому это было совершенно разумно и правильно – отправить ее поучиться в Со рбонну. Ничего, что они скучают в разлуке, это полезно.

Когда она вернется, вся эта эпопея будет закончена. К тому же и выборы пройдут. Он уже выполнит свои обязательства по их подготовке перед Васей и, скорее всего, тогда же и уйдет от него окончательно. На услуги Игоря спрос большой, а за время, которое он работает на Васю, многие сумели оценить его таланты и результаты его труда, включая Васиных противников. Так что Игоря с руками оторвут.

Да, так он и сделает.

В конце концов, доля правоты в Олиных словах есть...

В последующую неделю мы с Шерил встречались практически ежедневно – мы с ней ходили в кино, обедали в ресторанчиках или у меня дома. К себе домой она меня почему-то не приглашала, но я тогда не задавалась этим вопросом. Наши встречи были похожи на свидания, а мы – на влюбленных. Я, во всяком случае...

Шерил, по правде говоря, особенно сильных эмоций не

выказывала – это было за пределами ее возможностей. При всей нашей схожести Шерил была совсем иной. Она больше смотрела и слушала, чем говорила. Она была тиха, вежлива, слова «спасибо-пожалуйста, если тебя не затруднит, извини, я хотела бы тебя попросить» и так далее, в том же духе, пере-сыпали ее речь и занимали в ней наибольшую часть, – основ-ной же смысл выражался на редкость сдержанно и кратко. Прежде чем что-либо сказать, она вскидывала на меня глаза, словно проверяя, можно ли мне доверить такой секрет, да-же если это касалось всего-навсего предложения выпить ча-шечку кофе. Моя манера, прямая и открытая, что нормаль-но для русских, была ей непривычна и смущала ее. Она ино-гда стеснялась говорить со мной, краснела и искала подолгу слова...

Короче, она была западным человеком. И вела себя соот-ветственно по принципу: у меня своя жизнь, у вас своя, я к вам не лезу в душу, вы ко мне тоже не лезьте; у вас все прекрасно, я уверена в этом, и у меня тоже; и даже если это вовсе не так, никто никому навязываться не станет, все бу-дут улыбаться и жить каждый сам по себе со своими про-блемами и печальями... На вопрос, как дела – ответ всегда: отлично! Не потому что отлично на самом деле, а потому, что ничего другого вам знать не положено... Если ты попро-буешь рассказать кому-нибудь о своих проблемах, тебя вы-слушают. Посочувствуют и, может быть, даже помогут. Но только это не станет дружбой и даже простым началом ее.

Откровенность людей не сближает, они просто сошлись на нейтральной территории, постояли на ней, потоптались, обменялись мнениями и даже услугами и снова разошлись – каждый умотал на свою территорию, за свою ограду, из-за которой завтра же ты можешь рассчитывать только на приветливое и безразличное «здравствуйте, как дела?». И снова скажешь: «отлично»...

Я боролась изо всех сил с этим западным менталитетом, я лезла к ней в душу всеми своими четырьмя лапами, я задавала бестактные вопросы, я постоянно смущала Шерил.

Ничего, сказала я себе, пусть переучивается, это полезно. Будет, как все нормальные люди!

Сказать-то я себе сказала, но разность наших стилей поведения меня тоже сковывала. Мне больше всего хотелось говорить с ней о загадке нашей схожести, о нашем возможном родстве, о всем том, в чем мне виделась тайна и к чему меня тянуло невероятно: уж так я устроена, люблю все таинственное. Тем более когда это таинственное избрало меня своим главным действующим лицом... Я себя чувствовала подлежащим большого сложного предложения, остальные члены которого были зашифрованы... Мне было совершенно необходимо найти ключ и расшифровать их!

Однако Шерил избегала разговоров на эту тему, отвечала односложно и сама инициативу не проявляла. Казалось, она приняла наше сходство как данность; приняла, хоть и осторожно, нашу дружбу и никаких вопросов ни себе, ни мне за-

давать не собирается.

Я решила не давить на пугливую Шерил – я и так ее шокировала своими прямыми высказываниями по всем поводам – и подождать. Чего – я не знала. Лучших времен, наверное. Времен, когда она ко мне привыкнет.

В ожидании приезда Сережи я написала Игорю большое нежное письмо и затащила Шерил к фотографу. Мы сделали несколько больших портретных снимков, а постановка мизансцен была моя: с подобранными волосами и с волосами распущенными, щекой к щеке и просто рядом в обнимку, и в профиль, почти нос к носу... Сначала Шерил смущало это позирование, но потом, когда я чуть не свалилась с высокого табурета, мы стали смеяться и в конце концов расхохотались так, что даже фотограф не выдержал и прыснул, хотя уже никто не знал, отчего это мы все смеемся...

Наши фотографии меня потрясли.

Я не знала, кто из нас – я.

Шерил сидела рядом со мной на моем диванчике, глядя на снимок. Я посмотрела на нее. Ее лицо застыло в напряжении.

– Что скажешь? – спросила я ее сдержанно.

Она в ответ вымученно улыбнулась.

– Ты не веришь, до сих пор не веришь, что мы с тобой сестры? – спросила я в лоб.

– Трудно поверить, глядя на наше фото... – тихо про-

изнесла она.

– Я понимаю, что ты сомневаешься. Мы с тобой такие разные... Хотя ведь мы чувствуем друг друга очень хорошо, несмотря на всю разницу... Ты сама мне сказала однажды – помнишь? – что тебе меня не хватает. И мне тебя не хватает, Шерил. Именно поэтому я думаю, что мы сестры, не только из-за нашей внешней похожести... А разница между нами – это из-за того, что ты – американка, а я – русская. Разное воспитание, разная культура, разный менталитет...

Я замолчала. Что я могла еще добавить?

Шерил тоже молчала, уставившись на нашу фотографию. Только мое плечо ощутило легкую дрожь ее плеча.

– Моя приемная мать была против моего отъезда в Европу, – заговорила она наконец. – И когда она поняла, что не сможет этому воспрепятствовать, она сказала: «Я с самого начала знала, что ты никогда не станешь настоящей американкой...»

Я подождала продолжения, но его не последовало. Тогда я спросила осторожно:

– И какой вывод ты делаешь из этого?

– Никакого.

Шерил сцепила руки, чтобы я не заметила, как они дрожат.

– Просто ты заговорила о разнице менталитетов... Не такие уж мы разные, – добавила она.

Конечно, не такие уж мы разные. Только я не об этом

спрашивала. Я хотела понять, почему Кати произнесла эту странную фразу... Но давить на Шерил я не стала. Она и так уже вся тряслась на нервной почве.

Лично я нормальна до невозможности, у меня крепкие нервы, и, хотя я человек эмоциональный и даже местами сентиментальный, я все-таки голову не теряю и подхожу ко всему трезво. Конечно, вы можете сказать, что меня жизнь не трепала, потому и нормальный. И ошибетесь, потому что вы еще не дочитали и не знаете, как меня потрепала жизнь. Я бы даже сказала – поколотила. И едва не убила...

И все равно – я нормальна. У меня не бывает депрессий, то есть бывают, но я умею управлять собой. Собственно, для меня нормальность и состоит в умении собой владеть и не давать разгуляться своей психике, вытеснив с жилплощади ее сожителя – разум. Люди, не владеющие собой, у меня вызывают недоумение. Я нахожу их либо больными, либо распущенными. Первое вызывает у меня жалость, второе – презрение, и во всех случаях они мне малосимпатичны.

Но глядя на Шерил, на то, как затряслись ее руки и задрожали ноги – да-да, прямо так и задрожали, аж коленки задергались, – я почувствовала умильную нежность.

«Вот, – подумала я, – что значит любить...»

Мне ее стало жутко жалко. Я погладила ее легонько по голове.

– Не нервничай так, Шерил, – прошептала я. – В конце концов, ведь это неплохо, что мы встретились? Что мы на-

шлись?..

Она повернула свое лицо ко мне, и мы уперлись лоб в лоб. Мне показалось, что у нее на глазах слезы. Я вдруг почувствовала, как она одинока. Раньше я об этом как-то не задумывалась, а тут, представив эту злобную Кати, с которой даже поговорить по-человечески невозможно, и бедную Шерил, которая уезжает в Европу одна, без поддержки, против воли приемной матери, я поняла всю глубину ее одиночества, но еще и мужества: решиться построить свою жизнь самостоятельно! Она уже три года во Франции, нашла работу, живет на свою скудную зарплату. На какое-то время я даже устыдилась своей обеспеченности. Я жила на деньги Игоря, и, хотя я не транжирка, я себе не отказывала в том, чего мне хотелось. Мне не нужно было зарабатывать себе на жизнь, думать о будущем, бояться безработицы. Не то что ей...

Мы все еще сидели, упершись друг в друга лбами. Наверное, со стороны это казалось смешным, но на нас некому было смотреть со стороны, мы сидели в сумерках моей комнаты на диване и смотрели друг на друга, не видя, потому что лица наши двоились и расплывались в расфокусированных взглядах, наши кудрявые волосы смешались, как и тепло наших тел, и мы обе боялись пошевелиться, чтобы не нарушить эту молчаливую и символическую позу нашего братания...

А можно ли сказать «братание» про сестер?

И еще, чувствуя, что Шерил плачет, я подумала, что моя к ней любовь стала неожиданно принимать какой-то материн-

ский оттенок: защитить, помочь, оберечь. Наверное, я из сестер старшая. Которая минут на пять раньше родилась. Знаете? Ведь у двойняшек всегда видно, кто старше на несколько минут, потому что у него поведение *старшего*. Так вот, это, наверное, я.

Я потянулась и провела пальцем по ее щеке. Она была мокрая.

– Оля... – прошептала Шерил.

Я ее обняла. Она схватилась за меня руками, как ребенок.

– Не плачь, – сказала я. – Ведь все же хорошо теперь, правда?

Я точно не знала, что именно теперь хорошо, но мы нашли друг друга... А остальное приложится, просто обязано приложиться. Мы разгадаем секрет нашего рождения и устроим нашу жизнь так, чтобы быть рядом.

– А теперь нам пора спать, – скомандовала я.

Ведь я же из сестер была старшая.

В воскресенье мы решили пригласить наших «мальчиков» – то есть Джонатана и Ги. Строго говоря, Ги не был «мальчиком» Шерил, как и Джонатан – моим. Они были скорее нашими поклонниками, чем мы с Шерил пользовались, обратив мужской интерес в дружбу. И меня уже не удивляло, что мы с Шерил повели себя в схожих ситуациях одинаково.

С утра я помчалась на встречу с Сергеем. Мы условились о свидании на Елисейских Полях – он плохо знал Париж, и

ему было так проще найти место нашей встречи. Я заметила его издалека: высокий блондин в кожаном пальто, в непомерно больших ботинках – таких не много на парижских улицах: блондинов, кожаных пальто, огромных ног. Передав мне пакет от Игоря, он задержал мою руку в своей.

– Что делаешь сегодня вечером? – посмотрел он мне зазывно в глаза.

– Домашнее задание. А ты разве не улетаешь вечером?

– Нет, планы изменились, я задержусь на несколько дней. Так что вечер у меня свободен... Ты могла бы мне Париж показать...

– А в этой сумке что, компьютер?

– Какой-то компьютер?

– Портативный.

– Нет, Игорь мне компьютер не поручал... В сумке капуста и огурцы.

– Ну, давай тогда капусту с огурцами. В отсутствие интеллектуальной пищи будем употреблять земную. Я пошла, спасибо, Сережа.

– Погоди. Ты торопишься? Может, в кафе сходим?

– Боюсь, что капуста прокиснет, – крикнула я уже на ходу.

– Но ведь... – донеслось до меня, но я не обернулась. Он, должно быть, хотел сказать, что на улице легкий морозец и ничего испортиться не может, но, видимо, вовремя сообразил, что это была шутка с моей стороны. Не слишком вежливая, впрочем. Ничего, перебьется. Нечего было подъезжать

КО МНЕ.

Я приготовила «русский ужин» с огурчиками и квашеной капустой. Шерил попробовала русские соленья еще до прихода наших гостей и сказала, что все это очень славно. Мне показалось, что в ее голосе прозвучало легкое сомнение, но пытаться я ее не стала: все равно ведь правду не скажет. Так она понимает вежливость, что ты будешь делать.

На плите уже исходила паром картошка, запеченный румяный кусок мяса с чесноком еще был в духовке, но аппетитный дух всюю витал по моей крошечной квартире.

Ги первым делом повел носом и сообщил, что он готов пожертвовать полагающимся до еды аперитивом и проследовать к столу незамедлительно.

Джонатан, войдя, остолбенел от удивления, когда увидел наше сходство, но от комментариев удержался, лишь поздоровался. Когда он взял за плечи Шерил, чтобы расцеловаться, как тут принято, четыре раза, он так внимательно вглядывался в ее лицо, что бедная Шерил смутилась и посмотрела на меня немного вопросительно. Я поняла почему: это я предложила причесаться одинаково – мне хотелось произвести впечатление на недоверчивого Джонатана. Одеться одинаково я предложить не посмела, для Шерил это было бы чересчур. Но причесались мы с ней – загляденье: мы повязали одинаковые голубые ленты вокруг головы, что придало нам вид кокетливых ангелочков. Кажется, Шерил этот стиль

был несвойственен. И вот теперь она своим взглядом словно спрашивала, куда это может нас завести. Да никуда, боже мой, чего она так всего боится! Мне этот стиль тоже несвойственен, но я могу менять стили хоть каждый день и в любом из них чувствовать себя уверенно и комфортно! Подумаешь, ничего в этом сложного нет...

У меня в комнате горели свечи, играла тихая джазовая музыка – я джаз люблю, – и мы с Шерил были чрезвычайно хороши. Естественно, весь вечер оба мужчины разглядывали нас с изумленным восхищением. И, разогретое этими взглядами, мое сознание опять поплыло. Я снова не отрывала от Шерил глаз, я смотрела на нее и любовалась ею до головокружения.

Должно быть, подумала я, вот так любят мужчины.

Или лесбиянки.

А я из них кто?

Если принять за аксиому, что я не мужчина, то, за его вычетом, остается лесбиянка.

Неужели?..

Я обратила глаза в глубь моей души, как выражаются на Востоке, и пошарила в ее закоулках. Ничего, связанного напрямую с сексом, я там не нашарила. А как квалифицировать это чувство переполняющей нежности, это желание погладить, дотронуться, прижать к себе, все время чувствовать кожей ее близость, быть с ней рядом? Как любовь? Любовь вообще? Любовь сестринскую? А это любование и восхище-

ние? Как самолюбование и самовосхищение? Нарциссизм?

Я не знала.

Я не знала, как это называется и что с этим делать.

Я решила названия не искать и ничего не делать. Чувство мое само разовьется и примет формы, в которых я его узнаю и дам ему название. А уж какое название – там видно будет.

– По-моему, ты влюбилась в самое себя, – рассмеялся Ги, глядя пристально на меня. – Ты не отрываешь глаз от Шерил и, похоже, очень себе нравишься в ее лице.

– Ты даже не представляешь, как ты прав!

– Вы, конечно, необыкновенно похожи... – признал Джонатан.

– Вот видишь, а ты мне не верил, – обрадовалась я.

– Ты никогда не была в агентстве двойников? – осадил меня Джонатан. – Как ты думаешь, стали бы звезды и президенты платить своим двойникам, если бы они не были похожи как две капли? Сходите, девочки, в одно из таких агентств и сами убедитесь. Там у них есть фотографии, можно посмотреть.

– Ты преувеличиваешь, Джонатан, – вступился за меня Ги. – Конечно, двойника леди Ди⁷ не отличишь от оригинала, но двойники появляются в тщательно сделанном макияже, а если бы ты увидел их без грима, то разница весьма заметна. А эти девочки – идентичны!

⁷ Принцесса Диана.

– А ты откуда знаешь про двойников? – недоверчиво спросил Джонатан. – Где это тебе довелось их увидеть без макияжа?

– Ты небось все больше английское телевидение ло-
вишь? – насмешливо сказал Ги. – Стоит иногда и француз-
ское смотреть. Тем более что ты приехал сюда французский
изучать.

Джонатан покраснел:

– А... что было по французскому телевидению?

– Репортаж о двойниках знаменитых людей. Два месяца
назад.

Шерил вежливо улыбалась, глядя на смущенного Джона-
тана.

– Это у вас всегда так происходит между французами и
англичанами? – спросила я. – Я слышала, что у вас тут «доб-
рососедские» отношения, вроде как у наших грузин с армя-
нами. То есть я хочу сказать, – уточнила я, подумав, что про
грузин и армян они вряд ли знают, – что вы друг друга недо-
любливаете?

Это было, конечно, довольно прямолинейное высказыва-
ние, такие тут не приняты. Но я нарочно так сказала. Они
меня достали своими супервежливостями, и мне хотелось их
подразнить. Особенно Джонатана с Шерил. Ги был попроче – не столько потому, что он француз, сколько в силу при-
надлежности к другой социальной среде, явно более демо-
кратичной.

– Нет, что ты! – одновременно воскликнули наши мальчишки.

– Мы совершенно нормально относимся друг к другу, – с достоинством сказал Джонатан.

– Только иногда подшучиваем... Беззлобно, – добавил Ги.

Мы с Шерил переглянулись и рассмеялись.

– Кстати, у нас тут четыре страны представлены, вы не заметили? – сказала я. – Давайте лучше выпьем за дружбу. Я без иронии, по-настоящему.

Остальные с энтузиазмом поддержали мой тост. Я заставила всех чокнуться на русский лад. Все поднялись и торжественно выпили. Ги плюхнулся на стул первым.

– Вы мне нравитесь, ребята, – сказал он.

Я подумала, что мне удалось разрядить обстановку.

– Мне тоже, – сообщила я и плюхнулась вслед за Ги на свой стул. Шерил и Джонатан аккуратно сели.

– Послушайте, а вам не приходила в голову такая простая мысль: сверить ваши даты рождения? – спросил Джонатан.

Мы все переглянулись.

– Семьдесят четвертый год... – начала я.

– Месяц май, – продолжила Шерил, кивком подтверждая названный мною год.

Мы замерли ненадолго и выпалили одновременно:

– Двенадцатое мая!

– Двадцать первое! – это произнесла Шерил.

– Теперь все ясно? – сказал скептически Джонатан.

– Ничего не ясно! – завопила я возмущенно. – Один и тот же год, один и тот же месяц и всего лишь девять дней разницы – что это, по-твоему, случайность?!

– Вообще-то, если ты не в курсе, двойняшки рождаются в один и тот же день. И даже в один и тот же час, как правило.

– Как вы не понимаете, если мы сестры, то здесь какая-то тайна, а если здесь какая-то тайна, то неудивительно, что наши даты расходятся! Это же элементарно! У кого-то был в этом интерес!

Ги положил мне руку на плечо.

– Успокойся, Оля, мы тебе все верим. – И он посмотрел многозначительно на Джонатана, словно призывая англичанина подыграть мне. Но Джонатан сделал вид, что не заметил его взгляд. – У меня есть идея, – продолжал веселиться Ги. – Слушайте, девочки, а родимых пятен или родинок у вас нет на теле? Их можно было бы сверить. Мы с Джонатаном готовы предложить свои услуги в этом деле, а Джонатан?

Джонатан хмуро поглядел на Ги и не ответил.

Кажется, с трудом налаженная дружба народов опять стала расползаться по швам.

– Экий ты приткий, – поспешила я исправить фривольный промах Ги. – Это право надо еще заслужить!

Шерил снова вежливо улыбнулась, и Джонатан глянул на меня одобрительно.

– Между прочим, – повернулся он к Шерил, – а ты-то что считаешь? Ты тоже думаешь, что вы сестры-близнецы?

– Я ничего не считаю. Я не знаю. Но шансов на это, признаться, очень мало...

Значит, она не верит. И мне ее нечем убедить. У меня нет ничего, ни одного факта, ни малейшей зацепки. И с чего начать?

Я должна наконец рассказать все Игорю, решила я. Он посоветует, как взяться за поиски правды!

Шерил заночевала у меня, а утром мы разошлись: она на работу, я в Сорбонну. Игорь должен был позвонить вечером, и я радовалась тому, что у нас с Шерил не запланирована встреча: при ней мне было бы неловко говорить с Игорем о ней же. Хоть она по-русски и не понимает, но свое-то имя она различит! Так что все складывалось наилучшим образом.

Я ждала его звонка с нетерпением и схватила трубку при первом же «дзынь».

– Игорек, ты помнишь, я тебе рассказывала, что...

– А «здравствуй, любимый» – уже не полагается?

– Нет, не полагается, потому что я должна тебе это срочно рассказать!

– Ты мою посылку получила?

– Получила, получила, послушай же меня...

– Капуста не испортилась?

– Не испортилась...

– Компьютер я не успел купить. Не хотелось брать что по-

пало, а со временем у меня туговато... Кстати, Сережа задержится в Париже еще дней на пять, так что если ты не успела написать мне письмо, то у тебя есть шанс исправиться...

– Нет, ну ты что, нарочно?

Игорь засмеялся:

– Ладно, что там у тебя стряслось?

– Понимаешь, мы с этой девушкой похожи как две капли воды! Я тебе передам наши фотографии с Сережей, сам увидишь! Это не может быть простое сходство! Тут какая-то тайна! И я ужасно хочу ее разгадать, только не знаю, с какой стороны за нее взяться...

Игорь как-то затих на том конце провода, затем спросил осторожно:

– Она француженка?

– Нет, американка...

– Как американка?!

В голосе Игоря слышалась такое неподдельное изумление, что я рассмеялась.

– Ты что-нибудь имеешь против американцев, мой дорогой? Кажется, холодная война уже закончилась и...

– Как ее зовут? – требовательно перебил меня Игорь.

– Ее зовут Шерил, Шерил Диксон... Игорек, я уверена, что она моя сестра!

– Что? Что ты говоришь? – закричал Игорь в трубку, прерывая мои излияния. – Ничего не слышу! Алло, алло, Оля! Ты меня слышишь? Что-то со связью!

– Игорек, я тебя прекрасно слышу! Давай я тебе перезвоню!

– Нет, я тебе сам перезвоню, сам, если не сегодня, то завтра, жди!

...Тогда я еще не знала, что он меня прекрасно слышал. Я не поняла, что ему просто срочно понадобилось прекратить этот телефонный разговор со мной.

Игорь бросил трубку так, будто она должна была взорваться. Стремительно вскочил со стула, но, сделав шаг, замер, отвердел столбом. Взгляд его бродил бессмысленно по комнате, мысли кишели, налезали одна на другую, ничего не обдумывалось и недодумывалось, и только одно слово болезненно пульсировало в голове: Оля. Оля. Оля. Не может быть! Не может быть, чтобы я так вляпался!

Очнувшись через несколько долгих, как пропасть, минут, кинулся к ящику стола, достал пачку сигарет. Руки предательски дрожали – он ненавидел это отвратительное состояние, когда сдают нервы, в общем-то достаточно крепкие.

Вытянул сигарету, резко дернул клапан зажигалки и прикурил, едва не опалив ресницы. Игорь обычно не курил, но в двух случаях ему страшно хотелось затянуться: когда он нервничал и когда пил. Пил он, впрочем, мало и редко, нарочно отстаивая репутацию трезвенника («Моя голова – это

мой главный рабочий инструмент, – шутил он, – и его надо содержать в порядке») – это позволяло ему уклоняться от постоянных попок, которыми отмечалось каждое важное, менее важное и даже совсем не важное событие в кругу людей, с которыми он им ел дела последнее время. Он предпочитал посмаковать рюмочку коньяку наедине с самим собой – своим любимым и наидостойнейшим собеседником.

Затянувшись, он сел обратно на стул возле своего рабочего стола и достал факсы – переписку за последнюю неделю.

Игорь считал разумным вести дела при помощи факсов, а не телефонных звонков: во-первых, факс обязывал к корректности и краткости изложения, тогда как телефон легко располагал к ненужным разговорам, – а кто мог бы поручиться, что данная линия не прослушивается заинтересованными лицами? Во-вторых, в случае разногласий он мог всегда предъявить полученный текст – это был документ, а документ имеет способность служить доказательством, чего не скажешь об устном телефонном разговоре. Вот и сейчас факсы ему послужат: перечитать и восстановить ясность в голове.

«Наша подруга переехала в Европу три года назад. Уточнить местонахождение не удалось. Применять первый вариант?»

Игорь поморщился. «Первым вариантом» в их политической группе называлось давление, имеющее цель припугнуть

и добыть информацию. Оно могло иметь разные формы: навести пистолет, к примеру, – разумеется, без намерения убить, или пригрозить неприятностями с близкими – без намерения угрозу выполнить. Существовали и другие варианты действий, вплоть до номера шесть... Но все это было далеко от Игоря, он не имел к этому отношения и никакими вариантами не пользовался, руки и совесть не марал. При всей своей толерантности Игорь имел определенные принципы, которых твердо придерживался, хотя другим их не навязывал. Принципов этих было немного, но в их числе такой: **никакого насилия.**

Чтобы оберечь свои принципы от конфликтных разногласий с установками и действиями других людей, Игорь просто-напросто никогда не брался за сомнительные дела. И теперь он проклинал себя за свою неосмотрительность. И вот, пожалуйста: уже пошли разговоры о «первом варианте»! А там и до других недалеко! И как он только позволил втянуть себя в это дело...

К тому же – неужели не понятно? – с «вариантами» можно засветиться. Им только американской полиции не хватало!

«Без вариантов! – гласил последний ответ Игоря. – Возвращайся, как условлено, с заездом в Париж. Задержись там на пару-тройку дней: выясни, существуют ли системы всеевропейской адресной информации. Со своей стороны я подключу другие источники».

Зло швырнув листки обратно в ящик, он долго и бездумно барабанил пальцами по столу. Парня надо срочно отзывать, это ясно. Но дальше-то что?

Игорь загасил третий окурок. Без паники, сказал он себе. Может, она просто однофамилица. Может, они не так уж и похожи.

Нужно сначала дождаться фотографий.

Без паники.

Игорь быстро набрал текст, который на этот раз был совсем лаконичным:

«Возвращайся немедленно».

Спустя пять минут факс ушел по назначению.

На следующий день Игорь позвонил мне, но связь снова была чудовищно плохая.

– Сережа уедет завтра, он не сможет задержаться, планы изменились... Ты письмо написала? Подробное? Все уже у Сережи? И фотографии? Ты хорошо заклеила конверт? – прорывался голос Игоря через помехи, которые на этот раз я тоже слышала, словно он говорил со мной с Меркурия. – Соскучился! Мне не звони, не трать деньги! Я сам буду звонить! Целую!

Тут я подумала, впервые за все время нашей совместной жизни, что у Игоря, наверное, кто-то есть. Или завел за вре-

меня моего отсутствия... Не звони ему! Почему, спрашивается? Дорого, конечно, это правда, и он не хочет, чтобы я свои деньги тратила... Или потому, что он не ночует дома? И как он тогда меня в Париж отпустил с облегчением!..

Нет, глупости. Отпустил он меня, чтобы я рассеялась, – ведь Игорь моментально сечет, когда тебе нужна разрядка или смена обстановки. И даже если с облегчением – понять можно, Игорю для работы необходима свободная голова, особенно сейчас, когда дело идет к выборам, – Василий Константинович наверняка загрузил его по уши работой. Нет, если бы он действительно завел женщину – так чем ему плохо дома ночевать? Меня нет, вся квартира к его услугам – было бы желание.

Но вот именно в это я поверить не могла – чтобы у Игоря было желание мне изменять. Просто он заботится, чтобы я деньги не тратила. Вот и все.

Как ни убеждала я себя, что все нормально, а тем не менее на душе у меня было беспокойно. В какой-то момент я даже подумала, не махнуть ли в Москву. В конце декабря начнутся рождественские каникулы, и я могла бы поехать и посмотреть...

На что? Приехать, как командированный муж из анекдота, и искать, кто спрятался в шкафу? Нет уж, увольте. Нет ничего унижительней подозрений.

Неправильно, есть: проверки.

Это без меня, пожалуйста. Я в такие игры не играю.

Что за глупости мне лезут в голову! Что, собственно, такого произошло? Игорь позаботился о моих расходах. Действительно, было бы смешно: он ищет okazji, чтобы прислать мне деньги в Париж, а я буду их просаживать на телефонные переговоры?

Все просто и логично.

Глава IV

В ПОИСКАХ НЕ ТОЛЬКО Я

Шерил была у меня, когда раздался этот странный звонок от Игоря.

– Ты получил мое письмо с фотографиями? – спросила я его, ожидая услышать изумленные восклицания.

– Получил. Оля, Оленька, слушай меня внимательно! – У Игоря был слегка истеричный голос, что было абсолютно ему несвойственно. – Ты должна, я повторяю: ты должна немедленно прекратить общаться с Шерил! Немедленно! Забудь ее раз и навсегда, не звони ей и не встречайся с ней! Не перебивай, у меня мало времени! К тому же я тебя плохо слышу! И завтра же – завтра, поняла? – ты найдешь себе другую квартиру и переедешь. Любую, сколько бы она ни стоила, но завтра же! Никому не говори ни слова о переезде, никому не оставляй адреса и постарайся сделать это самым незаметным образом! Не задавай мне вопросы, – завопил он на мои слабые попытки вставить слово «почему», – я тебя умоляю, я не могу тебе сейчас объяснить! Слушай и выполняй. И все. Ты меня поняла? Завтра же! И больше с ней не встречаться! Я позвоню тебе завтра в шесть, сюда. Будь у телефона, скажешь мне свой новый адрес. Мне не звони! Оля, прекрати мне задавать вопросы! Сделай все, как я сказал, и немедленно! Все, целую.

Повесив трубку, Игорь вышел из автомата на Почтамте и огляделся по сторонам. Нет, за ним никто не следит, с какой стати за ним должен кто-то следить? Он просто тихо сходит с ума! Его никто ни в чем не подозревает.

Пока что.

Игорь паниковал. Хуже, он был охвачен ужасом, почти истерическим. Влетев домой, он устремился к письменному столу. Несколько фотографий, разложенных на столе, смотрели на него двумя прелестными мордашками: Оля и Шерил. И от этих двух пар веселых глаз, устремленных в объектив, у него св одило судорогой все члены.

Игорь схватил их и понес на кухню. Там, вытерев насухо раковину, он стал сжигать фотографии одну за другой, с болью глядя, как корчатся в огне девичьи лица. И только последнюю пожалел, сунул во внутренний карман пиджака. Размельчив пепел, он смыл его в сливное отверстие.

Вернувшись в комнату, он достал из бара коньяк и, стоя, залпом осушил рюмку, тут же наполнив следующую.

Присел, нервно и нетерпеливо, на краешек стула. Потеребил свой густой русый ежик. Достал из заветной пачки сигарету, закурил. Отпил из рюмки коньяка.

*«Что я должен сделать? Что я **могу** еще сделать? – пытался сосредоточиться он. – Допустим, какое-то время я*

поморочу им голову, что я подключил к поиску другие каналы. На этом я сумею выиграть несколько дней. За это время Оля переедет. Но потом – что?»

Нужно, чтобы они ни о чем не догадались. Чтобы они никогда не узнали, что Оля и Шерил похожи. Но как это сделать? Я могу, допустим, сказать, что по моим каналам установлено, что Шерил погибла, что ее нет в живых... Нет, не выйдет, иначе ее приемная мать сказала бы об этом, когда ее спрашивали о Шерил. Не может же такое быть, чтобы ее мать не была в курсе? Значит, не годится.

Вот что важно понять: прослушивается ли мой телефон? «Жучков» в квартире не было, это он точно знал. А если навеска на линии? Тогда я не узнаю. Тогда я никак не узнаю.

Господи, что же делать?

Если они прослушивают, тогда вообще все бессмысленно. Потому что они уже слышали про похожую на Олю девушку по имени Шерил Диксон.

Тогда вы пропали, девочки.

И я тоже.

Игорь допил бутылку до дна. В этот вечер уже больше ничего не тревожило его сознание.

Я положила трубку с таким недоуменным видом, что Ше-

рил не выдержала и спросила меня обеспокоенно: «Что-то случилось?»

– Не знаю... Не понимаю... Но что-то случилось.

Я не знала, пересказывать ли ей наш с Игорем разговор. Или, точнее, монолог Игоря. Не встречаться с Шерил? Мой бог, но почему?

Шерил все еще смотрела на меня вопросительно, не рискуя, в силу своей вежливости, лезть в мою душу с вопросами.

Тайна, которая и без того оевала нашу схожесть, стала сгущаться вокруг нас мраком. К тому же из этого разговора следовало... да, следовала одна простая вещь: Шерил находилась в опасности. Не знаю, в какой, но в опасности! А то из-за чего Игорь стал бы так беспокоиться: смени адрес, никому не говори... Я должна ей об этом рассказать! Я просто не имела права скрыть от нее эту странную беседу!

Выслушав, Шерил задумалась. Лицо ее было удивленным, но вроде бы спокойным. Я тоже начала успокаиваться.

– Я тебе не сказала... – заговорила она. – Ты меня извини, я должна была, наверное, сразу тебя поставить в известность. Дело в том, что у меня были неприятности с полицией.

Я в изумлении уставилась на нее.

– С полицией? – Мне казалось, что я ослышалась.

– И не только с полицией... Я состою в экологическом обществе «Чистая планета». Вернее, я его ответственный сек-

ретарь. Это означает, что я одна из тех, кто принимает решения о видах и формах нашей деятельности... Мы ведем активную работу против различных загрязнителей среды. Их много, они разные, поэтому неприятностей у меня тоже много, и неприятности мои тоже разные. Во время некоторых манифестаций меня, вместе с другими членами нашего общества, задерживала полиция. У них на меня есть досье, я знаю. Потом, некоторые предприниматели, директора фирм или промышленных групп имеют на меня по зубу каждый... По большому такому зубу, по клыку, пожалуй... Несколько раз меня пытались подкупить. Несколько раз мне угрожали. Один раз в моей квартире все перевернули вверх дном, разбили мою аудиотехнику и раздавили все компакт-диски... Так что в некотором смысле тебе действительно опасно со мной общаться...

Я была потрясена этой новостью. Тихая, вежливая, застенчивая Шерил – активистка экологического общества?! Я представила, как на каких-нибудь их собраниях Шерил выступает со своим тихим голосом и ангельским видом...

А что, почему бы и нет? Она каким-то странным образом вписывалась в эту роль.

– Не понимаю, – сказала я, – а мне-то это чем угрожает? Я же не занимаюсь экологической деятельностью! Или Игорь испугался, что ты меня втянешь?

Шерил молча смотрела на меня.

– Нет, дело явно не в этом – поразмыслив, сообщила я. –

Ладно бы, «не общайся с Шерил»! А тут ведь еще «немедленно переезжай»! Почему, спрашивается? У меня, Шерил, пренеприятнейшее подозрение, что тебе угрожает какая-то опасность... Я бы даже сказала – серьезная. Игорь явно боится, чтобы я не попала с тобой в какую-нибудь историю... Подумай-ка, что бы это могло быть?

Шерил вздохнула:

– Я тебе еще не все рассказала... За мной следит французская ДСТ.

– Это еще что такое?

– Управление территориальной безопасности... Вроде вашего КГБ.

– Ого! Какая честь!

– Наша последняя акция, вернее, несколько последних акций были направлены против ядерных испытаний Франции... – извиняющимся голосом проговорила Шерил.

Тут я оказалась совершенно сбита с толку. Если моему воображению еще как-то удалось вписать Шерил в роль докладчика на собрании о «видах и формах деятельности» их общества, то организация акций против решения самого президента Франции... Нет, мое воображение с этим не справлялось.

– И как это ты делаешь? Ты выходишь с плакатом на улицу? Ты бросаешь камни в окна Елисейского дворца?

– Ну, окна в президентском дворце мы не бьем... – усмехнулась Шерил, – но с плакатами выходили, и еще мы пи-

шем обращения, письма, листовки, призываем бойкотировать французские товары, и потом... Недавно мы заблокировали несколько причалов в портах... Впрочем, тебе этого знать не надо. Тем более что твой дружок за тебя так боится. Честно говоря, я тоже немного беспокоилась за тебя, особенно из-за последних событий с французской безопасностью... Поэтому и не приглашала тебя к себе домой. За мной, как я тебе сказала, следят, – и я не хотела, чтобы ты попала в поле их зрения... У тебя из-за этого могут возникнуть неприятности с визой.

– А у тебя? Не могут возникнуть неприятности с визой?

– У меня – нет. Наша деятельность легальна. И я слишком на виду у международной общественности – ведь наше движение интернационально. Франция никогда не рискнет прослыть недемократичной страной. Кроме того, у меня французское гражданство – ведь я родилась в Париже... Но ты для них – никто. Ох, извини, я в том смысле, что...

– Не утруждай себя, моя дорогая, все понятно.

– Они тебя могут выслать по-тихому и даже не объяснят почему. И ты больше никогда не получишь разрешение на въезд в эту страну. Поэтому, я думаю, твой Игор...

Она так и произносит: Игор.

– ...за тебя волнуется. Только я вот чего не понимаю: откуда он это все может знать?

А ведь и правда, откуда?

Игорь, конечно, знаком с людьми власть имущими и соответственно хорошо осведомленными... В моей памяти побежали лица, встречи, звонки, обрывки разговоров...

Василий Константинович, высокий седеющий блондин, красивое русское лицо, напоминающее Ивана-царевича из старых детских фильмов, только более утонченное. Васильковые, холодно-игривые глаза необыкновенно хорошо сочетаются с именем Василий. Его военная статья выдавала в нем офицера, а властная манера, с которой он даже молчал, – офицера с высоким званием. Но офицера чего? Армии? КГБ? Я не знала. Теперь он что-то делал в политике, возглавлял какую-то патриотическую партию – то ли монархическую, то ли националистическую... Нет, кажется, он был умеренным славянофилом и ратовал за особенный путь развития России... насколько я помню из объяснений Игоря. Но даже если он и был «умеренным», его убеждения мне казались чересчур агрессивными, и один раз мы даже поссорились с Игорем из-за него...

Николай Георгиевич, невысокий брюнет с седыми висками, глаза цвета военной формы, спортивное тело, приятная внешность. Вспомнилось, как он играл на пианино на даче, где принимал нас, крепкими тонкими пальцами перебирая клавиши, и пел красивым тенором романсы... Он знал наизусть все, что касалось русской истории, причем в том объеме, который далеко выходил за пределы любых советских учебников. Кажется, у него была какая-то фирма. Его жена,

Марина Анатольевна, – необычайно красивая брюнетка, ростом выше на голову своего мужа и великолепная хозяйка, в которой радушие сочеталось с какой-то надменной холодностью. Ее жгучие глаза и черные волосы заставляли думать о Кавказе, и, если бы не русское имя, я бы сказала: грузинка. Породистое удлинненное лицо смутно напоминало где-то виденные портреты царских родов... Николай Георгиевич был каким-то образом связан с делами Василия Константиновича, но я слабо представляла каким.

Андрей Владимирович, или «просто Андрюша», как он представился мне, обласкав мое лицо своими серыми глазами и удержав чуть дольше положенного мою руку у своих губ... Этот был помоложе, лет тридцати с небольшим, аналитик по экономическим вопросам, уж не знаю при ком или при чем, но Игорю он помогал, что-то для него писал и рассчитывал. Крепенький такой, словно боровик, с круглой коротко стриженной светлой головой, он вроде бы, как и я, никогда не слушал разговоры «взрослых» и вечно отвлекал и развлекал меня шутками и анекдотами на их скучных посиделках... Были в орбите и другие люди, к Игорю хаживали известные актеры, журналисты, какие-то политики, какие-то банкиры. Но эти три фигуры мне сейчас показались наиболее весомыми в плане их деятельности и связей, хотя я ничего толком о них не знала... Обидно, что я никогда не вслушивалась в их разговоры, скучая до одури и позволяя развлекать себя Андрюше или болтая с их женами. Впрочем,

у Василия Константиновича жены не было, он овдовел лет пять тому назад, а Андриюшина жена крайне редко появлялась с ним – у них маленький ребенок...

Мог ли Игорь через этих людей быть связан с КГБ, то бишь ФСБ? Или с какими-то секретными службами, о существовании которых я даже не имею понятия, но которые имеют понятие о существовании Шерил?

Все возможно. От Игоря можно ждать чего угодно.

Я попыталась объяснить это Шерил. Она с понимающим видом кивала головой. Интересно, что она там поняла, если я сама ничего не понимаю?

– Я тебе советую сходить завтра же в агентство по недвижимости, – вместо ответа сказала она мне. – Квартир навалом, ты найдешь за один день. Только тебе нужно будет взять справку в банке о твоей платежеспособности – без нее ты дело с места не сдвинешь...

Я посмотрела на нее внимательно. Действительно, мы сестры, иначе просто не может быть – я ведь читала ее мысли! И в своих мыслях она прощалась со мной.

– Ты, похоже, думаешь, что я собираюсь последовать заклипаниям Игоря и расстаться с тобой? Ты меня не знаешь, Шерил. Я и не подумаю этого делать. Я тебя люблю. И я хочу узнать, отчего это мы с тобой так похожи. И поэтому я с тобой расставаться не собираюсь. А вот насчет переезда – я как раз подумаю. Лишиться визы мне не хочется. Ты гово-

ришь, за тобой французская безопасность следит? А откуда ты знаешь, что это именно она, и откуда ты знаешь, что за тобой вообще кто-то следит?

– Я видела. Мне друзья сказали – кое-кто из них заметил. За мной следят два человека. Вернее, обычно один, но иногда его подменяет другой...

– А на них где написано, что они из безопасности?

– На заднице, – сказала вдруг Шерил и рассмеялась. – Это же очень просто: за мной начали следить почти сразу после наших первых акций.

– Одного не пойму: что им дает слежка за тобой? Им давно известно, где ты живешь и где работаешь. Чего им еще от тебя надо?

– Не знаю. У меня недавно начался пожар. Я его сама погасила, еще до приезда пожарных. Начался он очень странным образом, на кухне, ночью. Хорошо, я не спала – иначе... Даже не знаю, я могла сгореть в своей квартире. Вообще-то я думаю, что меня решили припугнуть. Но иногда мне становится страшно при мысли, что меня хотели убить.

– Ничего себе! А полиция ничего не нашла? Поджог это был или что?

– Нет. Так как жертв не было и даже большого убытка пожар не нанес, полиция этим не заинтересовалась. Посмотрели и сказали, что электропроводка, видимо, была неисправна.

– По-твоему, этот пожар – дело их рук?

– Не исключено. В виде предупреждения.

– Может, это какой-нибудь фирмач, которого достали ваши вылазки? Ведь ему ставить какие-нибудь фильтры на трубы – денежки выбрасывать. На ветер, как он убежден. На свежий ветер, – блеснула я своим глубоким пониманием проблем. – А ему не хочется. И он пытается подойти к проблеме с другой стороны, а именно: убрать источник проблемы – то есть тебя!

– Что мне тебе сказать? Своей визитной карточки, к сожалению, мне поджигатель не оставил. Но, с тех пор как мы стали заниматься антиядерными акциями, мы практически больше не беспокоим фирмачей – времени не хватает.

– Послушай... По-моему, это тебе надо срочно переезжать и никому не давать свой новый адрес, – сказала я. – Я вот что думаю: давай снимем вместе квартиру! И переедем, и никому не скажем куда! А?

Шерил снова задумалась. Потом улыбнулась – улыбка у нее детская, такая невинная, просто прелесть! Интересно, у меня такая же? Я почему-то ухитрюсь ощущать себя рядом с ней старшей из сестер, взрослой и умной, а вот поди ж ты, она какой-то там международный секретарь международного движения, и ею интересуются такие важные организации, как полиция и госбезопасность! А мной интересуются только мама и Игорь...

– Давай, – закончила размышлять Шерил. – И никому не скажем. Тогда ты сделаешь хотя бы половину того, что хотел

твой Игор, и мы сможем быть все время вместе. Только у меня есть просьба – если это возможно, не кури, пожалуйста, в гостиной. Против кухни я бы не стала возражать, и потом, у тебя будет своя комната...

Я засмеялась ее практичному ходу мысли, а Шерил внезапно помрачнела.

– Но я вряд ли сумею избавиться от наблюдения. Они меня все равно выследят. И, если мы с тобой будем жить вместе, тогда и тебя тоже. А именно этого твой Игор и боится. Я, если ты заметила, в те дни, когда мы с тобой встречаемся, ухожу с работы раньше. – И она многозначительно на меня посмотрела.

Я ответила ей непонимающим взглядом. При чем тут работа? Или я уже больше не отличаюсь «умом и сообразительностью»?

– Извини, я что-то не поняла, это ты к чему...

– Они начинают следить за мной с шести тридцати, с конца рабочего дня. И я ухожу раньше в дни наших встреч, чтобы не привести их к тебе.

– Какая ты милая, Шерил... Я тронута твоей заботой, правда.

– Пустяки.

– А ты не можешь сменить работу?

– Э-э, ты даже не представляешь, как это сложно!

– А что же делать? Как уйти от слежки?

– Думать будем. Тут, – она постучала ноготком себе по

лбу, – кое-что для думанья имеется. И тут, – ноготок уставился в направлении моего лба, – тоже. Особенно если нас покормить. Пошли чего-нибудь приготовим?

Мы с ней отправились на кухню и занялись приготовлением ужина. Я сделала омлет на сметане, как всю мою жизнь готовила мне мама, Шерил помыла и нарезала овощи, и мы уселись за стол.

– Потрясающий омлет, – сказала Шерил, – мне никогда не приходило в голову делать его на сметане. Это русский рецепт?

– Это мамин рецепт. Я не знаю, как готовят его другие.

– Надо его запатентовать. Такой омлет можно в ресторане подавать.

– Знаешь, что странно? – Мои мысли витали далеко от кулинарных изысков. – Что ты заметила слезку! Не знаю, какая во Франции разведка, но я привыкла думать, что во всех разведках мира работают тренированные кадры, и уж что-то, а следить они умеют...

– А они не слишком скрывают свою слезку. Я думаю, это нарочно. Чтобы я боялась что-то предпринять, чтобы знала, что я под контролем. Они и следят-то обычно после работы и сопровождают меня до дома. Потом торчат у моего дома часов до восьми-девяти и, когда им становится ясно, что я уже никуда не пойду, уходят. А если я иду на наши собрания, то тащатся за мной и ждут меня до конца. Мне даже

стало нравиться, что они меня сопровождают: поздно вечером прогуливаться одной небезопасно...

«Конечно, – подумала я, – ведь вряд ли с ее зарплатой можно часто ездить на такси, а на своей машине не всегда поедешь из-за сложностей с парковкой».

– Неужели от них никак нельзя избавиться? А если ночью переехать? Они ведь по ночам тебя оставляют в покое?

– Шутишь? Кто же это мебель по ночам таскает? Соседи немедленно полицию вызовут из-за шума.

– Хорошо. Скажи-ка мне вот что: они за тобой ежедневно следят? И по выходным? Ты уверена, что в рабочее время слежки нет? Всегда ли сразу после работы?

– Ух, сколько ты мне вопросов накидала! В рабочее время я их никогда не видела, да и что выслеживать? А после... Я не всегда обращала внимание. А что?

– Мы могли быть устроить наш переезд в рабочее время, ты возьмешь отгул... Не исключено, что можно найти и другое «окно» в их слежке. В выходной, например.

– Я об этом не подумала... Я завтра постараюсь засечь по часам, когда они начинают и когда заканчивают. Давай спать, – без всякого перехода добавила она. – Уже поздно. Завтра пойдем с тобой в агентство по недвижимости.

– Надо хотя бы дня три понаблюдать, чтобы быть уверенными... – не успокаивалась я. – Шерил, у меня идея! Я буду следить за твоими наблюдателями! У меня как раз занятия к этому времени заканчиваются, я приеду на твою улицу и

выслежу их!

– Тебя могут заметить. И даже принять за меня, как это уже было с Ги.

– Знаешь, что я сделаю? Я загримируюсь и куплю...

– Парик! – воскликнули мы одновременно.

– Только не черный...

– ...а светлый шатен! Потому что с нашей белой кожей черный будет смотреться...

– ...ненатурально!

Окончательно развеселившись, мы с Шерил отправились умываться.

Наутро в первом же агентстве мы с ней нашли квартирку в Латинском квартале. Две комнаты и общая гостиная, и к тому же нормальная кухня – это было потрясающе! Проблема была с обстановкой – квартиры, как правило, во Франции сдаются пустые, и народ въезжает в них со своим скарбом. У Шерил он имелся, но у меня не было ничего – моя маленькая студия была снята с мебелью, которую, естественно, я должна была оставить на месте. В принципе мне следовало найти Владимира Петровича и сообщить ему, что я съезжаю, но я это отложила на потом.

Счастливые, мы бродили с ней по мебельным магазинам в поисках хотя бы кровати для начала – мне же надо было на чем-то спать! Мы пообедали в ресторанчике, затем снова пошли в очередной магазин, потом опять сидели в кафе за

чашечкой кофе...

Я все норовила заплатить за Шерил. А Шерил все норовила заплатить за меня. Наконец я не выдержала и, стесняясь собственной бестактности, сказала:

– Оставь эти счета, Шерил! Моя финансовая ситуация позволяет мне тратить деньги без особых затруднений... – Кажется, я уже начала изъясняться в стиле самой Шерил.

– Моя финансовая ситуация, – улыbnулась она мне в ответ, – позволяет мне тоже тратить деньги без особых затруднений. Мне родители оставили довольно большое наследство.

Вот те на! А я-то думала: бедняжка, живет на скудную зарплату... Надо признать, что у нее совсем не было замашек, свойственных богатым людям.

Или, точнее, богатым русским людям.

Когда мы нашли наконец лохматый, жутко дорогой парик, было уже полшестого. У Шерил на шесть часов была запланирована какая-то важная встреча в оргкомитете: в понедельник они проводили международную конференцию по проблемам экологии. Я тоже торопилась: Игорь обещал позвонить в шесть. Мы расстались с Шерил в метро, и каждая помчалась в своем направлении.

Я пыталась решить на ходу, говорить ли Игорю, что мы переезжаем вместе с Шерил. И решила, что нет. Игорь бы только стал вопить в телефон, снова ничего бы не объяс-

нил – зачем, спрашивается, мне нужна лишняя нервотрепка? Подожду okazji и напишу ему в письме. Объясню ему все про французскую госбезопасность, про деятельность Шерил и про то, что я ее люблю и уверена, что она – моя родная сестра. И что я не могу ее бросить. Он поймет. Правильно, в письме, потом. А пока – нет никакого смысла упоминать про Шерил.

Игорь опять долго не мог прозвониться. Раньше его было так хорошо слышно, будто он звонил из соседнего подъезда...

– Откуда ты мне звонишь? – спросила я. – Связь как-то странно ухудшилась.

– С почтамта, по автомату... – Игорь явно растерялся. – Я как раз мимо пробежал...

Что происходит? Мне домой звонить нельзя, он мне звонит не из дома... У нас кто-то поселился?

Я вдруг снова представила, что Игорь мне изменяет. Нет, хуже – что он собирается меня бросить.

– А в прошлый раз ты откуда мне звонил? – вкрадчиво спросила я.

– Из Казани. Я там был в командировке.

Врет. Понял, что я что-то учуяла, и врет.

– И в позапрошлый раз тоже?

– Что – тоже? – не понял Игорь.

– Также из Казани или тоже из автомата? Потому что связь была и тогда плохая.

Надо мне позвонить домой. Проверить, не снимет ли там кто-нибудь трубку и не ответит ли мне женский голос.

– Из дома я звонил, что ты ерунду говоришь! Связь же не всегда бывает хорошая!

Может быть. Может быть, он и прав. И все же я позвоню домой.

– Объясни мне, почему я должна переехать и не общаться с Шерил, – спросила я, хотя мне все было уже ясно и так.

– Это долго... Она... Тебе нельзя с ней общаться... это опасно... Я, знаешь, потом тебе лучше напишу, по телефону трудно объяснить...

Ладно. Я понимаю, мне самой по телефону трудно объяснить. К тому же мне не к спеху. Я знаю про нее, может быть, даже больше, чем ты, Игорек.

– Или при встрече. Может быть, мне удастся приехать на Рождество.

– Это было бы чудесно! – обрадовалась я. – Я соскучилась. А это точно?

– Нет. Я просто постараюсь.

– Если у тебя не получится, то, может, мне приехать в Москву?

Молчание. Мое сердце глухо стукнуло.

– А, Игорек?

– Я думаю, что у меня получится, – наконец сказал он. – Я тоже соскучился ужасно... – голос его был нежным и фальшивым.

Я не умею думать на ходу. Я себя считаю умной, но, по правде говоря, я умная в спокойной обстановке. Мне нужно посоображать, чтобы принять правильное решение. А когда у меня нет возможности посоображать, я стараюсь решения не принимать и лишних слов не говорить. Поэтому я просто сменила тему:

– Мне пришлось купить себе диван и еще надо какую-то мебель купить. В этой квартире ничего нет.

– Не страшно. Купи все, что нужно.

– Я выберу подешевле.

– Ты благоразумная девочка.

– Ведь это придется потом все здесь бросить. Не потащу же я мебель в Москву.

– Я и говорю, что ты благоразумная девочка. Когда ты переезжаешь?

– Через два дня.

– Почему не сегодня? Я ведь тебе сказал – немедленно!

– Это невозможно, Игорь. Мне нужно сложить кучу вещей, докупить мебель – не могу же я жить в пустой квартире!

– А что значит «через два дня»?

– В понедельник, – сказала я твердо.

– Ладно, – сдался Игорь. – Никому ничего не говорила?

– Нет. Только как быть с Владимиром Петровичем? Ему надо сказать, что я съезжаю? Ведь это он снимал квартиру.

– Не волнуйся, я сам с ним свяжусь. А этой Шерил ты как объяснила?

Хитрый. Пытается меня поймать. Я же никому ничего не должна была объяснять!

– Никак. Я ей ничего не сказала.

– Она не знает о твоём переезде?

Бог мой, врать-то тяжело...

– Нет.

Я напишу тебе, Игорек, уж ты извини, что я сейчас тебе лапшу на уши вешаю. Просто иначе мы с тобой потратим три миллиона на разговор и ни к чему не придем.

– Ты умница. Диктуй мне новый адрес и телефон.

Только тут я сообразила, что документы на квартиру остались у Шерил: она их оформляла для меня, она ведь французским владеет в совершенстве, чего я о себе сказать никак не могу...

– Игорек, я тебе продиктую завтра. Неохота сейчас идти их искать...

– Куда идти? – в голосе Игоря появилось напряжение.

– В сумку. Они в сумке лежат, сумка в прихожей, а я писать хочу, – соврала я. У меня и прихожей-то нет.

– Ладно, – усмехнулся Игорь. – Тогда я тебе завтра позвоню. Целую, маленькая, иди писать...

Домой я позвонила сразу же.

Там никто не ответил.

Тем лучше.

И все же...

Я решила позвонить маме.

Вообще-то я маме звонила регулярно, но обычно это были простые разговоры, ничего особенного: ты здорова? – а ты здорова?.. Но на этот раз кроме маминого здоровья меня интересовало еще кое-что.

– Мамульчик, а Игорь тебе позванивает?

– Позванивает, Аленушка, не беспокойся.

– А давно звонил последний раз?

– Да... – мама явно растерялась. – Не помню я точно...

– Примерно, мамуля!

– С неделю, наверное... Он же человек занятой, Аленушка, куда ему чаще звонить!

Все ясно, мама думает, что я нападую на Игоря за невниманье к ней, и пытается его покрыть.

– Мама, скажи мне честно, – строго сказала я.

– Я честно, неделю назад!

– О чем вы говорили?

– Да как обычно, не пойму я, к чему ты клонишь. Про здоровье спрашивал, не надо ли чего, спрашивал...

– Тебе он не показался странным?

– С чего бы это?

– Игорь не говорил, что он ездил в Казань?

– Аленка, он не обсуждает со мной свои дела! Мы с ним говорим обычно про тебя... Как я поняла, ты эту мысль из головы не выкинула.

– Какую?

– Ну, что у тебя двойняшка есть.

Я так и увидела, как мама недоуменно пожала плечами.

– Это тебе Игорь рассказал?

– Что ты, Аленка, воду мутишь, скажи мне? Игорь тоже разволновался, стал у меня выспрашивать, уверена ли я, что ты моя дочь, и в каком роддоме ты родилась... Ерунда какая-то!

– Не расстраивайся, мамуля, что бы ни выяснилось, ты у меня всегда будешь единственная мама. И самая любимая.

– Ты что, Оля, это ты серьезно? – каким-то испуганным шепотом спросила меня мама. – Ты всерьез думаешь, что нашла свою сестру?

– Нет, мамульчик, я пошутила, – солгала я, чтобы ее успокоить. – Просто мы очень похожи. Так ты говоришь, что Игорь неделю назад звонил? – сменила я тему.

– Ну, дней десять назад...

– И ничего странного тебе не показалось в его словах или поведении?

– Аленка, не знаю я. Вроде бы все, как обычно.

– Тем лучше, – сказала я. – Я переезжаю на новую квартиру через пару дней, дам тебе новый адрес и телефон. Ты здорова, мамочка?..

Три последующие дня были полностью посвящены моему переезду. Я моталась по магазинам, с трудом сопротивляясь нерациональному желанию закупить всего, все те штучки и

цапки, которые попадались мне на пути в торговых галереях – так было приятно, так радостно оформлять свой дом, свой первый дом, пусть и временный, который я устраивала сама и по своему вкусу! Я упаковывала сумки, ездила на новую квартиру встречать грузчиков, показывала, куда поставить мебель, следила за сборкой – да что рассказывать, каждый знает, что такое переезд. Но не каждый пережил эту радость и свободу, с которой ты, единственно ты, решаешь, каким должен быть твой дом! До сих пор у меня был мамин дом, затем Игоря, уже давно им обжитый и обставленный в соответствии с его личным вкусом... Я ничего не имела против вкуса Игоря, но все-таки, когда все выбираешь сама, это совсем другое дело! И еще одна существенная деталь: у меня были деньги. Я, конечно, старалась купить вещи недорогие и практичные, но на них тоже нужно было немало денег, и они у меня имелись – спасибо Игорю. Для меня это было огромное удовольствие, доселе не испытанное...

Только вот его звонок я, должно быть, проворонила в беготне.

«Шпионские страсти» были запланированы на вторник, когда я покончу с переездом, а пока что Шерил обещала мне обратить внимание на то, что творится за ее спиной.

За эти три дня я вообще забыла обо всем на свете, смакуя свое обустройство и желая удивить Шерил своим вкусом и умением создать уют. Гостиную я решила тоже обставить на

свой риск, не спросив Шерил, – мне казалось, что она только будет рада, потому что у нее нет ни времени, ни, похоже, особого интереса, чтобы всем этим заниматься. Это должен был быть сюрприз для нее.

Поздно вечером в понедельник, когда я расставляла светильники и накрывала то так, то этак абажуры, чтобы создать наиболее мягкую и уютную атмосферу, Шерил позвонила мне уже на новую квартиру с отчетом.

Выяснилось, что ни в субботу, ни в воскресенье никто у нее на хвосте не висел. В понедельник же у них состоялась важная и большая конференция, на которую съехалось немало разного экологического народу, и уследить за возможными «хвостами» было трудно – вокруг крутились журналисты.

– Вот и отлично. А я начну мое следствие завтра, – сообщила я, и холодок приключения побежал по моей спине.

– А вообще есть ли смысл продолжать? Ведь мы уже убедились, что в выходные можно переезжать. Так зачем тебе еще лишние хлопоты?

– Я поражаюсь твоей беспечности, Шерил, – сказала я строго: во мне, видимо, проснулась «старшая сестра». – Ты забыла, что у нас не решен вопрос с твоей работой? Они тебя выследят в первый же вечер!

– Но что же мы можем придумать?

– Чтобы думать, надо сначала знать. Вот я и хочу своими глазами увидеть, что представляют собой эта слежка и эти люди... К тому же я умираю от любопытства, – улыбнулась

я, – я ведь до сих пор видела шпионов только в кино!

– Ну, как хочешь, – сдалась Шерил.

Правильно, со старшими не спорят!

Первое, о чем я подумала во вторник утром, проснувшись в своей новой, еще не обжитой квартире, – это о том, что я так и не дала Игорю свои новые координаты! Он почему-то мне не позвонил в выходные – или, скорее всего, я проворонила его звонок.

Несмотря на его заклинания не звонить к нам домой, я, стоя в ночной рубашке, набрала наш номер.

Никто не ответил. В Париже было семь утра – у меня по вторникам лекции рано начинаются, – в Москве, соответственно, – девять. В это время он обычно уже уходит из дома...

Вернувшись из Сорбонны в четыре, я снова кинулась к телефону. Набрала номер. С тем же результатом, что и утром. Конечно, он не обязан в шесть часов по московскому времени быть дома. Но... Мне это не понравилось, и я позвонила маме.

– Твой знакомый сегодня приходил, тебя искал – Николай, – сказала мама после всех приветственных восклицаний.

– Какой еще Николай?

– Коля Зайцев, ты с ним в школе училась.

– Что еще за цирк? Никакого Коли Зайцева я не помню...

Зайцев, Зайцев... Каков собой?

– Невысокий, коренастый, темноволосый, глаза карие...

Внешность приятная.

– Может, из параллельного класса? Вроде там был какой-то Зайцев. И зачем он приходил?

– Он сказал – хотел с тобой пообщаться. Спрашивал, как тебя найти.

– Ума не приложу, зачем я ему могла понадобиться... Ничего не просил передать?

– Я ему предложила – если что срочное, то я могу передать, или пусть через мужа – я Игорька твоим мужем назвала, чтобы сразу ясность была, – передаст, поскольку ты регулярно звонишь из Парижа. Он твой телефон в Париже просил, я не дала. Он мне, знаешь, не понравился. Хоть я его и чаем угостила... Вежливый, почтительный паренек, а все равно Игорь твой лучше. Ну его, начнет к тебе приставать... Зачем тебе это нужно, правильно?

Ну да, мама моя бдит прочность нашего с Игорем союза. Ох, смешная!

– Я записала его номер телефона, – продолжала моя заботливая мама, – и сказала, что ты ему сама позвонишь, если ему так надо. Тебе продиктовать?

– А он просил?

– Да как-то так проямлил невнятно, что, мол, было бы хорошо, но не срочно.

– Ну и хрен с ним, раз не срочно. Подождет, пока я в

Москву вернуть. Правильно сделала, что не дала мой телефон – мне тут только еще не хватало бывших одноклассников!

– Вот и Игорь сказал – правильно. Он меня вообще отругал, что пускаю в дом незнакомых людей, да еще мужчину, да еще и чаем его пою. Игорь говорит, что это мог быть наводчик.

– Конечно, мамочка, Игорь стопроцентно прав! – испугалась я. – Ради бога, никому никогда не открывай, я тебя заклинаю!

– Игорь должен подъехать сегодня ко мне, он хочет сменить замки на двери. И еще он сказал, что нужно ставить металлическую дверь с сейфовым замком. Он обещал заняться этим вопросом.

– Очень хорошо, пусть займется. Так Игорь тебе звонил? А я его дома не застала...

– Он ко мне, должно быть, едет.

– Тогда поцелуй его от меня.

– Перезвони попозже!

– Не могу... Я билеты в кино взяла, – соврала я, поглядывая на часы. Пора было выходить, чтобы вовремя приехать на наблюдательный пункт. – Мамочка, запиши мой новый...

– А вот и он, – воскликнула мама. Я слышала, как мелодично пропел звонок в ее квартире. – Подожди у телефона.

Стукнула о стол трубка, и через несколько секунд до меня донеслись восклицания мамы и Игоря, а затем Игорь схватил

трубку.

– Оля!

– Игореша, куда ты пропал? Я так и не дождалась твоего звонка в выходные, а сейчас я должна бежать, у меня билеты в кино. Запиши быстро мой...

– О-ля! – заорал он в трубку. – Я тебя не слышу! Алло, алло! Что-то с телефоном! Ты меня слышишь? Позже перезвони!

Я с недоумением слушала короткие гудки. Опять что-то с телефоном... На этот раз, с маминым. Но с телефоном происходит что-то только тогда, когда по нему говорит Игорь. Как будто он не хочет разговаривать со мной...

Однако мне надо было уходить. Перезвонить я не смогу, но мама скажет ему, что у меня билеты в кино... Пусть звонит мне завтра.

Ах, черт, я же так и не оставила свой номер!

Ну ладно, сама позвоню.

Игоря насторожил этот визит «одноклассника», очень насторожил.

Конечно, Олю мог действительно разыскивать кто-нибудь из ее бывших поклонников, в этом ничего неестественного не т...

Мог быть и наводчик, как сказал Игорь Олиной маме. В

таком случае можно успокоиться: у нее взять нечего, ее квартирой вряд ли заинтересуются грабители...

Хотя, помилуйте, какой наводчик будет ходить по квартирам и представляться одноклассником? Нет, наводчик из себя не таков. Это персонаж из ремонтной братии, из obsługi, которая приходит по вызовам...

Но тогда остается предположить самое худшее: **интересовались Олей**.

Ерунда! Зачем видеть все в черном свете? Они никак не могли догадаться, по крайней мере – так **быстро** догадаться, что Игорь темнит. А о Шерил им до сих пор ничего не известно о... Нет, это наверняка кто-то из Олиных воздыхателей! Племянник Вадька рассказывал, что за ней бегали чуть ли не все мальчишки школы!

И все-таки Игорь незамедлительно выехал к Вере Андреевне.

Он застал ее на линии с Олей. Несмотря на все самоугоры, ему стало не по себе. Он схватил трубку и, быстро распрощавшись с Олей, тут же отсоединился, снова снял трубку с рычага, раскрутил.

Как бы ему хотелось ошибаться!..

Но чудес не бывает: в трубке был «жучок».

Вера Андреевна поила «одноклассника» чаем: значит, он провернул эту нехитрую операцию в то время, когда она была на кухне.

Итак, все переговоры, ведущиеся и в доме и по телефону,

прослушиваются.

Кем? Связано ли это с поисками Шерил?

«Я становлюсь идиотом. Я, как глупая птица, начинаю прятать голову под крыло. **Конечно, связано.**

Значит, меня **уже** подозревают.

«Зайцев» оставил свой номер телефона. Позвонить?

Нет смысла. Никакого Зайцева нет по этому номеру, а если даже и есть, то зачем выдавать свои подозрения? Нет, не нужно звонить.

Что теперь? Есть ли у меня еще в запасе ходы?

Первое: «жучок» оставляем на месте. Они не должны догадаться, что я сообразил.

Второе: предупредить Олину маму, чтобы не произносила неосторожных слов. Какое счастье, что Оля не успела продиктовать адрес!

Третье: предупредить Олю, что маме звонить опасно. Черт, как? Теперь у меня нет ни ее телефона, ни ее адреса! Ну, тогда а... Тогда Вера Андреевна пусть позаботится, чтобы Оля не сказала лишнего по телефону.

Четвертое: мне немедленно надо исчезнуть. Куда и как – продумаю позже, но исчезнуть».

Игорь осторожно закрутил трубку и положил ее на рычаг.

– Ну что там, с телефоном? – спросила Олина мама.

– Ничего, все в порядке. Должно быть, помехи на линиях.

– Вообще, ты знаешь, телефон последнее время работает из рук вон плохо. То не туда попадаю, то чужие разговоры слышу... Раньше такого не было.

Ах, как кстати эта реплика, которую слушают неведомые люди на том конце провода!

– У меня то же самое... Вы правы, раньше такого не было.

– Все-таки раньше было больше порядка, а, Игорек?

– Но меньше демократии.

– Это верно... Я понимаю, что демократия нужна. Но жить стало труднее нам, старикам. Ты-то молодой, тебе и карты в руки. Как дела идут?

– Отлично. Вера Андреевна, не сделаете мне чайку?

– Конечно, Игорек.

Мама ушла на кухню, где начала возиться с чайником, а Игорь быстро проверил все возможные закутки и закоулки, в которых могли прятаться другие микрофоны.

Больше ничего не было. Собственно, и не должно было быть: в первую очередь, если они действительно ищут Олю, их интересовал телефон. Кроме того, «бывший одноклассник» вряд ли располагал достаточным временем, чтобы понаставить микрофоны повсюду – чай не обед, готовить недолго.

И словно в подтверждение этих слов Вера Андреевна крикнула с кухни: «Чай готов, Игореша!»

Закрыв дверь на кухню поплотнее, Игорь присел за кухон-

ный столик, накрытый нарядной клеенкой с охотничьим натюрмортом, которую он привез для Веры Андреевны из Австрии. Он подождал, пока она села рядом с ним.

– Вера Андреевна, – он взял ее за руку, – выслушайте меня внимательно и отвечайте мне очень, очень тихо, ладно? Ваш телефон прослушивается.

Кажется, она не поняла.

– В телефонной трубке, – Игорь не шептал, но говорил так тихо, что Вера Андреевна склонила к нему ухо, – есть ли крофон. По нему могут слышать все разговоры, ведущиеся в комнате и по телефону.

Вера Андреевна кивнула спокойно:

– Я поняла, Игореша. И кому это понадобилось?

– Не знаю. Могу только сказать, что мой телефон наверняка тоже прослушивается. Вы знаете, Вера Андреевна, что я занимаюсь политикой.

– Да я не очень-то знаю...

– Неважно. Я вращаюсь в кругу людей, которыми интересуются и власти, и ФСБ, и политические противники. Кто из них установил «жучок» у вас – я не знаю. Но вы должны понять, что все разговоры, которые вы ведете дома, должны быть продуманы.

– А не проще его вытащить?

– Не проще. Если они догадаются, что их раскрыли, они примут другие меры, и мы о них уже ничего не узнаем. А так – вы знаете, что есть микрофон, а они не знают, что

вы знаете. Нужно только одно: никакой лишней информации по телефону. Ни со мной, ни с Олей, ни с вашими подружками, которые вздумают расспрашивать, «как поживают дети».

– Что ты называешь «лишней информацией»?

– Ну, во-первых, про сам факт микрофона в телефоне.

– Ну, это ты, Игореша, загнул. Я же не идиотка!

– Извините. Во-вторых, постарайтесь сделать так, чтобы Оля не диктовала вам свой новый адрес и номер телефона.

Вера Анатольевна сделалась мгновенно бледной, лицо осунулось за какую-то долю секунды, глаза широко распахнулись.

– Оля в опасности?!

– Тсс! – Игорь приложил палец к губам. – Не повышайте голоса. К сожалению, все близкие тех людей, которые занимаются на сегодняшний день бизнесом или политикой, находятся в той или иной мере в опасности, – удрученно произнес он.

То, что он сказал сейчас, было чистой правдой. Но только далеко не всей. Так далеко, что эта правда становилась ложью. Но не рассказывать же матери, что ее дочь находится в реальной и смертельной опасности, и причем по его, Игоря, вине, по его глупости, по его бездарности, с которой он так чудовищно вляпался в это дело! Ведь с самого начала не понравилось ему это поручение, с самого начала что-

то нервно сжималось в солнечном сплетении – но он не отказался. Не отказался вовсе не из желания помочь – просто хотел блеснуть, цену себе еще набить, уже и без того немало...

Говно, дешевый пижон. Теперь вот либо Олю спасать, либо себя. Потому что себя можно спасти на самом деле только одним способом: продав Олю...

Ну нет, на это Игорь не пойдет! Он Олю любит, и он не трус! Хотя, признаться, и не смельчак... Но есть ведь еще ходы в запасе! Если Вера Андреевна поведет себя с умом, если Оля сделает в точности так, как он велел, – быстренько расстанется с Шерил и переедет, никому не дав нового адреса... собственно, она уже это сделала, раз хотела адрес продиктовать! – тем лучше... И если он сам исчезнет побыстрее... Тогда, может, и выкрутимся!

– Так что, – добавил он, – лучше принять меры предосторожности.

По-прежнему бледное лицо Веры Андреевны сделалось сосредоточенным.

– А не лучше ли ей вернуться?

– Ни в коем случае! Чем Оля дальше, тем лучше!

– Хорошо. Скажи мне поподробней, что мне делать и чего не делать.

– Живите, как обычно, не показывайте никому своего беспокойства. На любые вопросы, будь то по телефону или при встрече, будь то старые знакомые или вовсе незнако-

мые люди, как этот «одноклассник», – отвечайте, что меня давненько не видели и что я куда-то пропал; Олиного старого адреса никому не давайте и не упоминайте, что она переехала. Не рассказывайте про нее вообще ничего. Спросят: как Оля? – Оля в поряд ке. Не упоминайте про ее рассказы о девушке, похожей на нее.

– Это как-то связано?..

– Нет, никак, – заторопился успокоить ее Игорь, – просто чем меньше о ней будут знать, тем лучше. Вы должны создать впечатление, что Оля звонит вам редко и подробностей не рассказывает – следовательно, вы ничего и не знаете... Понимаете?

– Понимаю, Игореша. Но ведь мой телефон, ты говоришь, прослушивается? Тогда эти люди, которые могут ею интересоваться, будут знать все: и как часто Оля звонит, и про что она рассказывает... – тихо проговорила Вера Андреевна.

– Правильно. Поэтому, когда Оля позвонит, постарайтесь ей вопросов не задавать и менять тему, как только она заговорит о чем бы то ни было, выходящем за рамки ее здоровья и учебы. Ее адрес и телефон не спрашивайте, если начнет вам диктовать – перебейте, сошлитесь, что связь прервалась, что каша подгорела, что слесарь пришел... Про меня ей отвечайте то же, что и всем – что я куда-то пропал. Договорились?

Олина мама кивнула.

– Выпьешь еще чашечку? – громко сказала она.

Молодец, Вера Андреевна! Все поняла.

– С удовольствием, – так же громко отозвался Игорь.

Эта часть дела сделана. Теперь осталась последняя задача: исчезнуть.

Рвануть в Париж. Найти Олю. Забрать ее и спрятаться обоим где-нибудь подальше... Какие-нибудь острова или Австралия, Новая Зеландия... Денег на счету хватит надолго, и лежат они в швейцарском банке надежно.

Игорь шумно, в расчете на микрофон, распрощался в прихожей и вышел в ночь. Ледяной ветер поздней осени раскачивал желтые лампы фонарей, и их тусклый свет, не в силах разогнать ночную тьму, лишь метался по тротуарам, беспорядочно громоздя острые черные тени. Игорь натянул шарф на подбородок и оглянулся. Кажется, все спокойно. Да и кому это надо – таскаться за ним в такую ночь, зная, что он всего-то ходил навестить тещу...

Да! Именно так и сделать. Сейчас домой, собрать вещи и не мешкая в аэропорт. Там – дождаться рейса на Париж.

Они не успеют.

Погруженный в свои мысли, Игорь не заметил, как из черного провала тени вычертились два силуэта и неслышно заскользили за ним вслед.

Глава V

ГУСЕК

Повесив трубку, я быстро и ярко накрашилась, надела парик, черные очки, длинную черную юбку с жакетом, из-под которого выглядывала красная шелковая маечка, соблазнительно открывающая верх груди, зашнуровала ботинки на высоких каблуках и стремглав выскочила из квартиры – пора было наблюдать за наблюдателями Шерил.

С Шерил мы условились, что она потащит свой «хвост» по улице, на которой находилось мое кафе, мой наблюдательный пункт. Ловя на себе любопытные взгляды – я была одета и накрашена, прямо скажем, вызывающе, – я заняла место у окна. «Самое главное, что я не похожа на Шерил», – думала я, чувствуя кожей обращенные ко мне мужские взгляды, пытавшиеся вычислить, уж не проститутка ли я, вышедшая на ранний (путаны обычно возникают на улицах не раньше девяти вечера) улов.

Шерил появилась в начале улицы почти сразу. Медленно бредя, словно задумавшись, она прошла мимо моего окна, скосив легонько глаза на меня, и двинулась дальше. «Хвост» не замедлил возникнуть метрах в пятидесяти позади нее. Это был мужчина лет сорока восьми, одетый в дешевый костюм и, поверх него, куртку бежевого цвета. Вид у него был равнодушный и усталый, он брел в такт Шерил, лениво по-

глядывая по сторонам. Когда он приблизился к моей витрине, я, отвернув лицо в сторону зала, медленно цедила сладкую холодную кока-колу с лимоном. Ну и гадость эта кока-кола, и почему ее так любят? Из-за рекламы, наверное. Люди до удивления внушаемы, думала я, высчитывая примерное расстояние, на которое «хвост» мог уже отойти от моего окна, – им умники, делающие рекламу, говорят: у нас тут самое лучшее, самое вкусное, так что несите ваши денежки сюда! А народ не то что несет – бежит вприпрыжку и еще гордится тем, что его объегорили и денежки из него вытряхнули... Должно быть, уже прошел мое окно. Я повернулась.

Теперь я их видела в спину. Шерил шла к метро, «хвост» плелся за ней. Я не торопясь допила свою гнусную коку, выкурила сигарету, расплатилась, прошла с неприступным видом мимо поддатых мужиков у стойки, недвусмысленно вылупившихся на меня, вышла на улицу и стала ловить такси. Необходимости тащиться за ними в метро не было: я ведь знала, что он будет следить за Шерил до дома, и рассчитывала его там подстеречь и проследить, когда он отвалит.

Завидев такси, я принялась отчаянно махать рукой – боялась, что кто-нибудь перехватит его раньше, – и едва не стукнула по лбу молодого парня в джинсовом костюме и джинсовой же кепке, надетой козырьком назад на американский манер, который в это время проходил рядом. Судя по синеватой выбритости – брүнет. Я бы не удивилась, если бы ока-

залось, что он манекенщик – до того хорош собой... Я аж замерла, уставившись на него. Он с любопытством посмотрел на мою потрясающую внешность и даже будто замедлил на секунду шаг, улыбнулся, обнаружив убийственную ямочку на щеке, но приставать не стал и вскоре скрылся в конце улицы. Торопится, должно быть...

Такси меня заметило и причалило к тротуару, и я оказалась у выхода из метро на две минуты раньше, чем Шерил. В районе площади Республики, где она обитала, было многолюдно и оживленно, и мне ничего не стоило спрятаться. Притаившись за журнальным киоском, я видела, как поднялась по лестнице метро сначала Шерил, затем ее «хвост», который шел за ней чуть ли ни впритык – в толпе и темноте было легко потеряться. Я уже было собралась последовать за ними, но тут из того же выхода возник знакомый соблазнительный брюнет с внешностью манекенщика и улыбкой младенца.

Я снова притаилась, недоумеваю. Случайное совпадение? Брюнет шел в том же направлении. Случайное ли?

Выждав, я двинулась за всей компанией. «Джинсы» не отставали от «костюма», держа, однако, от него дистанцию примерно метров тридцать. Я подумала, что это, видимо, максимум, который можно себе позволить, чтобы их не потерять.

Что бы это значило, а?!

Мы следовали друг за другом гуськом, и это могло бы быть

довольно смешно, если бы, к примеру, снимать в фильме: за Шерил следил «костюм», за «костюмом» следовали «джинсы», а «гуська» заключала я – патлатая и вульгарная девица на высоких каблуках с черными очками на лбу.

Издавляя я заметила, что «костюм» свернул за Шерил в ее двор, тогда как «джинсы» отправились в ближайшее кафе, расположенное недалеко от выхода из ее двора.

Поколебавшись, я вошла в другое кафе, подальше, на углу. Если они потом пойдут к метро, я смогу их увидеть. Если же в другую сторону – то я их потеряю... Но делать было нечего, не могла же я сесть за соседний столик в том же кафе с брюнетом – он бы меня узнал: слишком сильно я на него пялилась на улице, когда ловила такси...

Я заняла место у окна. Было уже около восьми вечера, народ начал стекаться на ужин, кафе заполнялось. Чтобы не раздражать официантов, я тоже заказала себе еду, хотя аппетита у меня не было. Я была возбуждена и курила одну сигарету за другой. Было очень странно ощущать себя в этом наряде, в роли шпионки... Припомнив читанные книжки и виденные фильмы, я пожалела, что у меня нет фотоаппарата, такого малюсенького, незаметного, какие бывают у шпионов. Сделать бы пару-тройку снимков этого парня, показать Шерил – видела ли она его раньше? В отличие от костюмного «хвоста», который и не думал скрывать свою слежку, брюнет в джинсе явно старался быть незамеченным.

И я снова спросила себя: что бы это значило? А?

Человек в костюме покинул свой пост ровно в девять часов вечера. Он быстро шел к метро, походка его была собранной и упругой – ничего общего с ленивой и слегка расхлябанной поступью, которой он следовал за Шерил. Домой, наверное, торопится. Надоело торчать на посту. Дома жена, может, и дети, да и кушать хочется...

Дав волю своему воображению, которое рисовало мне сцены из жизни штатного «хвоста», я едва не забыла про второго, про брюнета. А он-то где? Мимо моего кафе он не проходил. Я подошла к дверям и осторожно высунула нос на улицу: на глаза ему я не должна попадаться, ведь он меня на той улице, где офис Шерил находится, уже видел.

...Брюнет небрежной походкой пересекал улицу по направлению двора Шерил. Кепки на нем больше не было, но я легко узнала его по походке и квадратным плечам. И зачем это он идет во двор, который только пять минут назад покинул костюмный «хвост»?

Мне туда идти не следовало. Я вернулась к столику и, заказав еще кофе, стала размышлять. Ну, «размышлять» – это громко сказано. Я стала задавать себе вопросы, на которые у меня не было ответа.

Вопрос первый: если они, как сказала Шерил, следят по-сменному, то почему «джинсы» не пришли к уходу «костюма», а продублировали весь этот путь?

Вопрос второй: если эти двое работают на одну и ту же

организацию, на ДСТ или как там ее, то зачем они следят за Шерил одновременно? Они между собой никак не общались, никакими знаками или словами не обменивались...

Отсюда и вопрос третий: не работают ли они в разных «фирмах»? Молодой мог быть, допустим, из полиции... Или от кого-то из обиженных деятельностью Шерил фирмачей...

И четвертый вопрос нашелся: а тогда зачем он следит за ней? Что нужно ему от нее? Безопасность, – положим, Шерил права, – следит за ней для острастки, чтоб не шалила. Потому и слезки своей не скрывает. Но что же нужно от нее «джинсовому»?!

И что делать мне теперь? Идти домой? Ждать, пока этот тип выйдет из ее двора? Хотела бы я знать, что он там делает, чего высиживает... Зайти во двор и глянуть? Нет, это слишком рискованно, он меня может узнать...

Я решила позвонить Шерил из кафе. Проходя мимо дверей, я на всякий случай снова высунула нос на улицу. И вовремя: «джинсовый» садился в машину. Откуда тут взялась машина? Его машина? Бог мой, сплошные загадки! Он ее здесь нарочно припарковал? В ожидании – чего?

Я замерла у двери, прижавшись к выступу стены. Машина не трогалась, мотор не заводился. Она стояла темная, безмолвная и, казалось, пустая.

Мне стало как-то нехорошо. Не по себе, не по мне. Что-то тут в этой истории не так. Охваченная смутным беспокойством, я кинулась к телефону вниз.

Шерил ответила сразу же.

– У тебя все в порядке? – выпалила я.

– Да, – удивилась Шерил. – А что случилось?

– Ничего.

Мне было просто физически плохо от беспокойства, прихватывало живот, и все тело сводило. Я не могла говорить.

– У тебя есть что-нибудь интересное? – спросила Шерил, явно не понимая, что со мной.

– Есть, и даже очень... Только я потом тебе расскажу, я еще не освободилась, просто хотела узнать, в порядке ли ты. Скажи мне, окна твоей квартиры куда выходят? Во двор или на улицу?

– Одно во двор, другое на улицу... Оля, что-то случилось? Ты где?

– На углу твоей улицы, в кафе, – сказала я, и меня просто полоснула боль в животе. Острое предчувствие чего-то недоброго застряло во мне, как нож.

– Потом поговорим, – сдавленно сказала я и повесила трубку.

Рядом с телефоном была дамская комната, и я вошла туда. Прислонившись к столику для пеленания младенцев, я пыталась успокоиться и утихомирить спазмы. Выпила с руки воды из-под крана, прислушиваясь, как холодные глотки спускаются в мой пульсирующий желудок. Наконец мне стало полегче. Ужасно хотелось смыть с себя всю эту косметику,

снять парик... Но я устояла перед соблазном. Это было бы неразумно: в двух шагах от дома Шерил обнаружить свое настоящее лицо, такое похожее на нее. К тому же смыть килограммы краски без специального крема практически невозможно.

«Домой, – решила я. – Больше не могу. Не по мне эти шпионские страсти».

Я тут же заказала такси по телефону и стала подниматься по лестнице.

...Парень в джинсах стоял у входа в мое кафе, разглядывая зал. Он не крутил головой, не поворачивался в стороны, но глаза его скользили цепко и внимательно по столикам. Я кубарем скатилась вниз. Сердце дрыгалось, как боксерская груша под ударами мощных рук в перчатках. Мощных накачанных рук, таких, как у этого парня...

Осторожно выглянув снова, я увидела, как к нему подошел официант. Парень кивнул в ответ и прошел к одному из свободных столиков. Он уселся и стал опять разглядывать зал. Другая часть зала ему была явно не видна, и он, легонько вытягивая шею, все старался ее рассмотреть. Потом встал, махнул официанту рукой в направлении той части зала и проследовал туда, полоснув взглядом начало лестницы, ведущей вниз, к туалетам и телефону, где я стояла, прижавшись к стенке и втянув голову в плечи. Переждав, я опять высунула голову.

Теперь джинсовый брюнет мне был практически не виден за колонной, только широкое плечо в куртке выдавало место его нахождения. Но и я ему была не видна! Этим обстоятельством следовало воспользоваться. Мое такси должно было вот-вот подъехать, если еще не подъехало. Я осторожно поднялась, сделала несколько шагов в сторону, оставаясь скрытой для него за колонной, и, набравшись храбрости, не поднимая головы, быстро пересекла небольшое открытое пространство, которое было в зоне его видимости.

Такси меня ждало. Упав на сиденье, я продиктовала адрес. Такси тронулось, и окна кафе проплыли перед моими глазами. Парень в джинсах все еще сидел там, крутя головой. На меня он, похоже, не обратил внимания.

Кого же он там искал?

Я долго не могла заснуть, долго не могла утомить стук сердца, бившийся в моих ушах. Вставала, курила, снова ложилась, снова слушала стук собственного сердца.

Не позвонить ли мне Игорю? Попросить у него совета?

Нет, это было бы глупо. Объяснять ему все это по телефону долго и сложно, он ничего не поймет, только начнет волноваться за меня и ругать, что я его ослушалась и не рассталась с Шерил...

Утром в среду, в перерыве между занятиями, я позвонила Шерил на работу.

– Ты мне говорила, что за тобой следят двое?

– Да. Только один чаще, а другой реже. Наверное, заменяет первого, когда тот не может.

– А одновременно никогда?

– Нет... Или я не замечала. А что случилось, Оля?

– Опиши мне их.

– Я не слишком вглядывалась. Но примерно так: один постарше, лысоватый, всегда какой-то помятый, в костюме и куртке...

– Точно, я его видела. Второй?

– Помоложе, среднего роста, крепкий...

– В джинсах?

– Не знаю... Кажется, иногда в джинсах, иногда в чем-то другом. Понимаешь, я не всегда даже смотрю – какая мне разница, в конце концов? Следят так следят. А если я и обращаюсь, то мельком, не вглядываясь. Вижу фигуру, понимаю, что за мной – ну и ладно...

– Широкие плечи?

– Не обратила внимания.

– Брюнет?

– Кажется...

– Хорош собой?

– Так себе.

Черт, может, у нас вкусы разные?

– Он носит каскетку?

– Слушай, я не обращала внимания! Какая мне разница,

что он носит!

– Значит, не носит. Если бы носил – ты бы запомнила. Тем более что ты смотришь только мельком, схватываешь силуэт целиком, а каскетка вписывается в силуэт.

– Ты мне, наконец, скажешь, что происходит?

– За тобой следят одновременно двое. Одновременно, а не по очереди, понимаешь?

– И что это значит?

– Не знаю.

– А ты уверена, что он следил именно за мной?

– Уверена. Если только он не следил за «костюмом»... Но нет, тогда бы он сразу ушел вслед за ним! А он остался. Боюсь, Шерил, что других вариантов у нас нет. Он следил за тобой.

– Я никогда не замечала двоих!

– По одной простой причине: мужик в костюме не скрывает слежки, а парень в джинсах – прячется.

Мы обе помолчали, пытаясь обдумать этот факт, но ничего не надумали. Я вспомнила тот ужас, который я испытала, когда «джинсовый» заявился в кафе. Причем после моего звонка Шерил...

– Ты никогда не думала о том, что твой телефон прослушивается? – спросила я осторожно.

– Думала? Я не думала, я знала! И не только телефон. У меня были «жучки» в квартире. В моей организации есть специалисты, которые регулярно проверяют наши телефоны

и вообще квартиры – мою и еще двух человек из руководства... Ведь мы часто выступаем против решений на правительственном, государственном уровне, ну и занимаются нами на государственном уровне – госбезопасность, военная разведка и прочие секретные заведения. Так происходит практически во всех странах. А у них первое дело – подслушивание.

– А второе?

– Своих людей внедрить к нам... Для их распознавания мы тоже держим двух умных ребят. С тех пор я практически не веду деловых разговоров из дома. Так только, договариваемся о встречах.

– Выходит, теперь твой телефон не прослушивается?

– Это не факт. «Жучков» больше нет, но они могли подключиться к сети, а это уже проверить невозможно... Но я, повторяю, не веду никаких деловых разговоров из дома.

Перемена кончалась.

– Шерил, – сказала я, – ты вот что... Пока не дергайся, ничего не предпринимай. Ни в коем случае не оглядывайся, когда пойдешь с работы, ни в коем случае! Он не должен догадаться, что его заметили. А я сегодня опять за ним последую. Я тебе позвоню... Сегодня вечером, может быть... – в голове моей заметались еще не связанные обрывки плана. – Ты мне не звони, ладно? Я тебе сама позвоню...

Не те же ли самые слова сказал мне вчера Игорь?

Но мне некогда было обдумывать это странное совпаде-

ние слов и искать за ними совпадение событий.

Я нашла Джонатана в студенческой столовой.

– Ты сегодня вечером свободен? – спросила я, когда мы с ним сели за столик.

Мне стало неловко, когда я увидела радость в его глазах. Ах, мой милый Джонатан, извини, я тебя не на свидание зову...

Понизив голос так, что он меня едва слышал в разноязычном шуме студенческой толпы, я ему попыталась объяснить, что к чему, и попросила мне помочь. Джонатан молча слушал, наклонив ко мне голову, касаясь своей щекой моих светлых волос, и мне показалось, что его обычный ровный румянец сделался ярче. Должно быть, подумала я, со стороны мы похожи на влюбленную парочку. И еще, наверное, мы хорошо смотримся вместе: высокий сероглазый шатен и синеглазая блондинка... Ничем не выдав своего разочарования (которое он, по моему предположению, должен был испытать), Джонатан согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.